

БЕЛГОРОДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

Е.А. Антонов, А.Е. Таранова

**СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ И ЕЕ НАПРАВЛЕНИЙ
(ОТ СИНКРЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК
К ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ)**

Учебное пособие

Белгород
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
2022

УДК 1(091)
ББК 87
А 72

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Бел ЮИ МВД России
имени И.Д. Путилина

Антонов, Е. А.

А 72 Становление философии науки и ее направлений (от синкретических предпосылок к философии и науке): учебное пособие / Е. А. Антонов, А. Е. Таранова. – Белгород: Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, 2022. – 94 с.
ISBN 978-5-91776-451-1

Рецензенты:

Никулин А.Г., кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский университет МВД России);

Скандаков И.П., кандидат философских наук (УМВД России по Белгородской области).

В учебном пособии обоснованы основные эпистемологические и аксиологические проблемы современной философии науки через историко-сравнительный анализ оснований ее становления и дифференциации в контексте смены типов научной рациональности (классика, неклассика, постнеклассика). Определены историко-методологические основания социально-гуманитарных наук и философии социально-гуманитарных наук, философско-методологические основания юридической науки.

Предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов, профессорско-преподавательского состава образовательных организаций системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 1(091)
ББК 87

ISBN 978-5-91776-451-1

© Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Раздел 1. Наука в контексте философского осмысления: становление философии науки	7
1.1. Понятие и типы научной рациональности. Научные революции	7
1.2. Формы существования науки и подходы к ее пониманию в контексте философии науки.....	16
1.3. Научный метод в контексте концепций философии науки	27
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	31
Раздел 2. Философия социально-гуманитарных наук	32
2.1. Философия социально-гуманитарных наук как органическая часть философии науки	32
2.2. Становление социально-гуманитарных наук (науки о природе и науки о духе (культуре))	35
2.3. Понятие научно-исследовательской программы. Виды научно-исследовательских программ в социально-гуманитарных науках	41
2.4. Концепции философии социально-гуманитарных наук	46
2.5. Объект и структура социально-гуманитарных наук	56
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	60
Раздел 3. Философско-методологические основания юридических наук	61
3.1. Понятие, структура и предметность юридических наук	61
3.2. Классические и постклассические философские основания юридических наук	69
3.3. Методология юридических наук	73
3.4. Современные концепции методологии юридических наук	82
<i>Вопросы для самоконтроля</i>	87
Заключение	88
Библиографический список	90

ВВЕДЕНИЕ

Становление философии в контексте истории и культуры – это постепенный переход от мифа к логосу, имеющий свои цивилизационные особенности (характер, зоны, линии, границы, этапность размежевания и продолжающегося взаимодействия мифа и философии, как и мифа и логоса в целом различались в древневосточной и древнегреческой культурах). Более выраженным и интенсивным данный процесс был в древнегреческой специфике в связи с натуралистической линией развития философии.

Культурно-исторический процесс перехода от мифа к логосу можно представить как переход от чувственно-образного, синкретического представления о взаимодействии между человеком и миром к рациональному, понятийно-категориальному пониманию взаимодействия человека и мира. В разных культурно-исторических контекстах синкретизм имеет различные значения. Часто понятие «синкретизм» используется при характеристике первобытного мышления, для которого характерно отсутствие границы между придуманным (фантастическим) и реальным, что и выражалось в синкретичном мифологическом сознании. По аналогии основные признаки синкретизма (неразделенность разнородных частей, образующих определенное общее) можно использовать для описания феноменов познания, подразумевая ситуации, когда одним фактом знания в нерасчлененном виде содержалось несколько видов специфических знаний, практик, которые со временем разделялись, обособливались и развивались отдельно, образуя самостоятельные области знания и практики.

Понятие синкретизма погружено в историко-культурный контекст и отображает различные этапы становления и развития методологических средств познания многообразных социокультурных феноменов, в частности общества, права, государства. Ему, как феномену познания – а именно в этом аспекте синкретизм будет рассматриваться в данном учебном издании – присущи онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические характеристики.

В условиях «доклассической» науки и философии – древневосточной, античной, средневековой – синкретизм можно считать естественной и неотъемлемой характеристикой познания, соединяющей элементы научного, философского, религиозного, обыденного в условиях, когда научное познание еще не обрело своих специфических средств, критериев, форм, позволяющих сформировать и выделить особую самостоятельную форму – научное познание.

Необходимо отметить, что черты синкретизма несмотря на преобладающее понимание его как характеристики неразвитой формы сознания, мышления, познания можно зафиксировать в условиях различных типов научной рациональности (от классической научной рациональности Нового времени до современной постнеклассической научной рациональности).

Особенно это касается феноменов социально-гуманитарного знания и познания, длительное время вызревавших в системе философского знания и представляющих синкретичное образование, в частности и конкретных социально-гуманитарных наук, начинавших свое становление как синкретичные феномены (это касается и юридической науки). Это обусловлено историческими и культурными факторами становления и развития социально-гуманитарных наук, обособившихся и методологически оформившихся позднее чем естественные науки. Синкретизм длительное время был характерен и для таких когнитивных феноменов и для познания таких явлений, для которых выявляется интеграция разных срезов их существования и изучения – научных, философских, религиозных, художественных. Некоторые из них становились доминирующими в условиях определенных типов мировоззрения.

В философии термин «синкретизм» применяется для характеристики взглядов гностиков, соединявших в единое учение разнородные философские, этические, религиозные учения, в частности, для познания права, государства, общества.

Современная философия не является синкретичной, но отдельные ее направления могут быть эклектичными.

Наличие синкретичных феноменов можно зафиксировать, анализируя историю становления и развития философии и науки сквозь призму исторических типов мировоззрения и научной рациональности. Они также проходили свой путь от синкретичных образований. Так, фактически до рубежа XVI и XVII веков понятия «наука» и «философия» были синонимичны, так как к этому периоду философия олицетворяла всю систему знаний о мире. Разграничению науки и философии положила начало дифференциация классической науки Нового времени, выделение и развитие естественных наук через их частную дифференциацию. Это обусловило осознание того, что понятие «наука» не тождественно наукам, выделяемым в соответствии с объектом и предметом познания (например, понятия «наука» и «естественные науки»), а области науки могут быть направлены на познание различных сторон мира (например, философия, естественные науки и социально-гуманитарные науки).

Усилена данная тенденция была позитивистской методологией, ставшей в условиях классического типа научной рациональности основой для формирования сциентизма, радикально разделяющего науку и философию (позитивистами научным знанием провозглашалось только то знание, которое обладает непосредственной практической значимостью, основано на факте и эксперименте). Механистическая модель классического естественно-научного знания экстраполировалась и на ожидания относительно знаний об обществе, в свете чего начало пути к самостоятельному научному статусу социально-гуманитарные науки прошли под влиянием естественнонаучных принципов познания.

В этом контексте возникает вопрос оснований естественных и социально-гуманитарных наук, выраженных в таких их синкретичных предпосылках, как натурфилософия и культурфилософия. Исследование этих предпосылочных форм позволяет определить этапы становления, особенности философии есте-

ственных наук и философии социально-гуманитарных наук, их современные философско-методологические основания. В частности эти исследовательские возможности складываются и относительно юридической науки, входящей в систему социально-гуманитарных наук и находящейся сегодня на пересечении методологических парадигм, в условиях перехода к постнеклассическому типу научной рациональности.

Таким образом, становление (возникновение) философии и науки (естествознания и социально-гуманитарных наук) было движением человеческой мысли от натурфилософии и культурфилософии соответственно к философии и естественным наукам, а также к философии и социально-гуманитарным наукам.

Логика изложения учебного материала раскрывается в следовании от общих оснований философии науки к философии социально-гуманитарных наук и философским основаниям юридической науки как части социально-гуманитарного знания.

РАЗДЕЛ 1.

НАУКА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

В свете развития постнеклассической эпистемологии «теория познания позиционируется ныне как эпицентр взаимодействия целой совокупности наук о человеке», а именно антропологический фактор становится главной методологической призмой современной науки. Новые «многоаспектные» социально-гуманитарные и естественнонаучные методологические векторы познания получают философское осмысление с точки зрения интегративных подходов и специфические контексты в современном социокультурном дискурсе. Это требует более полного осмысления современных проблем научного познания.

1.1. Понятие и типы научной рациональности. Научные революции

Если обратиться к истории науки и философии, то общую логику развития научного знания можно усмотреть в движении от синкретизма через дифференциацию к интеграции и синтезу. Дифференциация как явление классического типа научной рациональности Нового времени определила разделение различных областей науки для их становления как самостоятельных предметных отраслей научного знания (высвободившись в самостоятельные области, они оформлялись как отдельные науки). Фактически процесс дифференциации стал решающим при переходе от синкретического к рациональному их статусу. Однако основанием для дифференциации стал естественно-научный методологический образец.

Постклассический тип научной рациональности, складывающийся на рубеже XIX–XX вв., отталкивался от естественно-научной и социально-гуманитарной картин мира, которые необходимо было соединять на основе принципов междисциплинарности и интегративности для обеспечения системного понимания мира в человеческом измерении.

Образцом новейшего постнеклассического типа научной рациональности становится такой этап развития междисциплинарно-интегративных гносеологических феноменов, как синтез (методологический) различных областей научного познания.

Говоря о становлении основных направлений и видов научного знания, необходимо отметить, что изначально они отталкивались от мифа, который синкретично объединял обыденные знания, верования, виды искусства и представлял собой своеобразный префилософский комплекс. Эти виды знания в

более рационализированной синкретической форме были представлены в натурфилософии и культурфилософии, которые становились основой для естественных и социально-гуманитарных наук. Трансформация этих направлений знания от синкретизма к самостоятельным научным системам осуществлялась в условиях научной рациональности, которая является фундаментальным основанием и ценностью научного познания и ***должна рассматриваться не просто как совокупность эпистемологических принципов, формирующих идеал научности, но и как феномен культуры, воплощающий мировоззренческие и ценностные ориентиры в плоскости научно-познавательной деятельности.***

Понятие рациональности не сводится только к научной рациональности. Напротив, понятие «научная рациональность» отталкивается от общего стремления человеческого разума к упорядочиванию и организации деятельности, распределению ресурсов в соответствии с проверенными целесообразными принципами. Вся «европейская культура формировалась и развивалась под знаком рациональности, которая явилась формообразующим принципом жизненного мира европейского человека, его деятельности, отношения к природе и другим людям. Рациональность предполагала способность человека самостоятельно мыслить и принимать решения» [5, с. 176]. По мысли И. Канта, рациональность – главный принцип культуры и мышления эпохи Просвещения.

Рациональность была призвана «сформировать уверенность» человеческого разума в его самодостаточности, фундаментальности, способности к достижению истины и созданию техники и технологий. В свете того, что «ключевую роль в европейской рациональности стали играть наука и техника, возникла уникальная индустриальная цивилизация» [5, с. 177], а наука в первых десятилетиях XX века продолжала рассматриваться как образец рациональности. Критический пересмотр роли науки как идеала воплощения рациональности произошел к середине XX века.

Таким образом, ***научная рациональность – это исторически и культурно обусловленная своеобразная система ценностей, норм, образцов и идеалов научно-познавательной деятельности, обеспечивающих научную истинность результатов познания, применительно к ее пониманию в определенном культурно-историческом и цивилизационном контексте.*** Становление и развитие философии и методологии науки, структуры самой науки и научного познания определяются исторической сменой типов научной рациональности.

В системе научной рациональности выделяют следующие основные типы, совпадающие с этапами развития науки:

- *классический* или позитивистско-сциентистский;
- *постклассический (неклассический)* или коммуникативный (герменевтический);
- *постнеклассический.*

Каждый из перечисленных типов научной рациональности формирует соответствующий ***стиль научного мышления*** как способ «постановки научных проблем, научной аргументации и дискуссии, результатов научного исследования. В понятие «стиль научного мышления» включены канонические представ-

ления о допустимых и недопустимых формах научного изложения, об идеальных образцах научного творчества» [6, с. 163].

Нельзя забывать, что стиль научного мышления и методы познания выступали и продолжают выступать детерминантами готового знания. В случае смены стиля и методов познания появлялась возможность принципиальных, качественных преобразований в науке, вплоть до смены не только «познавательных процедур», но и стиля мышления. Так случилось с отказом от «односторонности» механицизма как методологии естествознания, потребовавшим изменения стиля научного мышления в области социально-гуманитарного познания в целом и в юридическом познании в частности.

Также имеют место цивилизационные и культурно-антропологические факторы, определяющие стиль научного мышления, на которые ссылается В.Е. Чернявская, указывая на различие германской и англо-саксонской традиций изложения научных текстов. Если, для германской научной традиции характерна теоретичность изложения, где эмпирические данные не приводятся в отрыве от фундаментальной теории, отчего немецкие научные тексты признаются монологичными, сконцентрированными на фундаментальности содержания, то для англосаксонских научных текстов характерны диалогичность и научно-популярный стиль изложения, ориентация не на содержательную глубину, а на форму внешнего представления читателю и оперирование эмпирическими фактами [6, с. 166–167].

Стиль научного мышления «по крайней мере, в общественных науках» [7, с. 232], будет еще больше отличаться в других культурах – Китае, Японии, Индии, в культурах «мусульманского» мира.

Для определения векторов научного мышления и методологии, свойственных разным типам научной рациональности, необходимо рассмотреть их характеристики.

Выделяемые В.С. Степиным критерии разграничения исторических форм научной рациональности [8], соответствующие классическому пониманию исторического изменения показателей научности, представлены в таблице № 1.

Таблица № 1. Характеристики и критерии типов научной рациональности

Критерий 1. Качественные характеристики объекта исследования	
<i>Классика</i>	Ориентация на освоение малых (простых) систем, образцом которых являются механические системы
<i>Неклассика</i>	Ориентация на освоение больших (сложных самоорганизующихся) систем
<i>Постнеклассика</i>	Ориентация на освоение сложных саморазвивающихся систем

Критерий 2. Тип познавательных идеалов и норм	
<i>Классика</i>	Гносеологический объективизм – исключение из объясняющих положений всего, что не относится к характеристикам объекта познания (требование объективности объяснения, описания, обоснования)
<i>Неклассика</i>	Объективность объяснения предполагает экспликацию связей между объектом и характером средств и операций деятельности субъекта познания (<i>переход к гносеологическому субъективизму</i>)
<i>Постнеклассика</i>	Гносеологический субъективизм – при объяснении и обосновании учитывается соотнесенность знаний об объекте не только со средствами и операциями научной деятельности субъекта познания, но и с ценностно-целевыми установками субъекта познания
Критерий 3. Тип философско-методологической рефлексии	
<i>Классика</i>	Находит философско-методологическое обоснование в учениях мыслителей XVII – XIX века – от Френсиса Бэкона и Рене Декарта до Эрнста Маха
<i>Неклассика</i>	Обретает философско-методологический фундамент усилиями мыслителей XIX – XX века от Эрнста Маха до постпозитивизма
<i>постнеклассика</i>	Полностью не сложился, осмысливается в настоящее время в рамках истории и философии науки (<i>наиболее выраженной методологической тенденцией является выработка в разных науках философских оснований интегративных методологий, универсализирующих плюрализм современных методологических и исследовательских стратегий</i>)

Предложенная система рассматривается как универсальная, раскрывающая основные векторы научно-познавательной деятельности, складывающиеся на разных культурно-исторических этапах (при переходе от классической науки Нового времени к постнеклассической науке настоящего). Вместе с тем, учитывая структуру современного научного знания, включающего естественнонаучные, технические, социально-гуманитарные области, необходимо обратить внимание на то, что в «чистом виде» данная модель соотносится с этапами и динамикой развития естественных наук, которые получили методологическое основание и дифференциацию раньше, чем социально-гуманитарные науки, а также – применительно к социально-гуманитарным наукам – в указанной модели опора делается на позитивистскую концепцию философии науки и философии социально-гуманитарных наук.

В этой связи Е.Н. Яркова отмечает, что типология научной рациональности и классификация ее исторических форм, предложенная В.С. Степиным, имеет определенные ограничения, поскольку она относится преимущественно к естественнонаучной рациональности. Однако, наряду с естественнонаучной, существуют и иные формы научной рациональности, в частности, социально-гуманитарная [9, с. 22]. *Ее самоопределение (т.е. становление социально-гуманитарных наук) осуществляется в неклассический период, в то время как классическая наука базируется на идее синкрезиса (нерасчлененности) социально-гуманитарного и естественнонаучного знания. В постнеклассической науке выдвигается идея синтеза социально-гуманитарного и естественнонаучного знания.*

В современной философии науки сложилось представление о развитии научной рациональности как о чередовании периодов эволюции науки и ее революционных преобразований. Понятие «*научная революция*» введено в научный оборот Т. Куном, который по аналогии с политическими революциями указывал, что научные революции «начинаются с возрастания осознания, что существующая парадигма перестала адекватно функционировать при исследовании того аспекта природы, к которому сама эта парадигма раньше проложила путь» [10].

В этом контексте фиксируются научные революции различных локаций и уровней:

- *внутридисциплинарные* (расширение предметного поля конкретных наук);
- *общедисциплинарные* (интеграция методологий разных наук, их взаимопроникновение);
- *глобальные* (изменение идеалов научности, философских и методологических оснований всех наук).

Собственно, в основе *смены типов научной рациональности* лежат *глобальные научные революции*, которые связаны со сменой научных картин мира; с коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. В истории науки выделяют четыре глобальные революции [3; 5; 8].

*Первой из них была научная революция XVII века, ознаменовавшая становление классической науки, в первую очередь – классического естествознания, механики. Она сопровождалась сущностным изменением картины мира и видения физической реальности, связанным с переходом от религиозного мировоззрения к научному мировоззрению, преимущественно *натурцентричному*, сконструированному идеалами и нормами классического естествознания.*

Радикальные перемены в целостной системе классической науки произошли в конце XVIII – первой половине XIX века. Они определили переход к новому состоянию науки – к дисциплинарно организованной науке (имеется в виду дифференциация естественных наук), которая возникает в результате усложнения и детализации сформированных в рамках классического рационализма представлений. Ее итог – окончательное становление классического естествознания.

Первая и вторая глобальные научные революции реализовывались как укрепление и развитие классического стиля мышления, основы классического типа научной рациональности. Вместе с тем уже вторая революция сопровождалась началом пересмотра классических идеалов и норм научного познания.

Третья глобальная революция была связана с преобразованием классического стиля научного мышления и становлением нового, неклассического. Она охватывает период с конца XIX до середины XX столетия. Ее основанием стало появление неклассического естествознания, направленного на изучение объектов микромира в области естественных наук (развитие квантовой теории в физике, генетики в биологии, квантовой химии и т.д.), и актуализация представлений, заложенных представителями субъективного идеализма (в частности, И. Кантом) об активности субъекта познания в области социально-гуманитарных наук. Кант обосновывал идею о том, что научное познание реконструирует не естественную реальность, ту, какой она есть сама по себе, а реальность, созданную рассудком субъекта познания. Именно из него М. Хайдеггер в XX веке вывел заключение, что «бытие сущего стало субъективностью».

В сложившихся условиях складывается представление, согласно которому каждая наука конструирует и изучает свою реальность – физика изучает «физическую реальность», химия «химическую реальность», а социально-гуманитарные науки – социальную и духовную реальности бытия человека и общества.

Здесь на первый план выходит *понятийное мышление*, без которого представление о мире, культурном и научном процессах является субъективным – иллюзией, никак не связанной с реальностью. Именно понятийное мышление, в зависимости от форм познания, формирует конкретно-исторические картины мира – механическую, химическую, физическую, биологическую, социальную, научную. В них отражаются представления о формах движения материи. По этой причине отказ от понятийного мышления, по сути, есть конец истории, понимаемой как инволюция – эволюция наоборот.

Четвертая глобальная научная революция, в ходе которой появляется новая постнеклассическая наука, начинается в последней трети XX столетия и продолжается в наши дни [3]. Она связана с тем, что объектами изучения ста-

новятся исторически развивающиеся системы, отчего историческая реконструкция как тип теоретического познания стала применяться во всех науках. В этом контексте специфика понимания объектов обусловила необходимость диалога науки с вненаучными формами познания – религией, моралью, обыденным сознанием, мифо-космическим мировоззрением, а сама научная рациональность «потеряла абсолютные права» на обоснование всех «мировоззренческих идей – социальных, этических, религиозных» [5, с. 193] и аксиологических.

Как результат, научная программа учитывает широкий спектр субъективной составляющей познавательной деятельности – ценности, этические нормы, политические идеологии, социально-культурные установки, особенности государственного регулирования науки и другие.

Содержание глобальных революционных изменений, обуславливающих смену исторических типов научной рациональности, сопряжено в основном с кризисными явлениями в методологии, идеалах и нормах естественно-научного мышления. Это обусловлено, как уже ранее отмечалось, более долгим пребыванием в синкретичном состоянии социально-гуманитарной познавательной системы, дифференциация которой происходила ближе ко второй половине XIX века, и то, на основе позитивистской исследовательской программы, натуралистической по своей сути.

В свете этого до рубежа XIX-XX веков, а по ряду оценок и в первые десятилетия XX века, вопрос о методологическом своеобразии социально-гуманитарных наук находился только в процессе своего разрешения под влиянием позитивизма. В частности, только *к концу XIX в.* «как реакция на позитивизм возникла позиция по вопросу о взаимоотношении наук о природе и наук о человеке. Мыслители отвергают методологический монизм позитивизма и мнение о том, что единственный и высший идеал рационального постижения действительности дает естествознание» [11, с. 43–45].

Таким образом, в свете развития и дифференциации социально-гуманитарных наук к рубежу XIX и XX веков, сформировавших эпистемологическую повестку о методологическом своеобразии «естествознания и исторических наук о духе (социально-гуманитарных наук)», третья глобальная научная революция, определившая переход к неклассическому типу научной рациональности происходила под влиянием становления «социально-гуманитарной картины мира» – альтернативной «естественнонаучной картине мира».

Быстрый рост и дифференциация социально-гуманитарного познания по внепозитивистским (антипозитивистским) векторам не только определил существенный пересмотр принципов научности, истинности и достоверности знания, соотношения рационального и иррационального в познании, но и обусловил развитие собственных методологий и концепций, поставил вопрос о диалоге естественных и социально-гуманитарных наук. Вместе с тем многие области социально-гуманитарного познания, например, юридическая наука, оставались под преимущественным влиянием позитивистских методологических принципов вплоть до последних десятилетий XX века.

Четвертая глобальная революция, обусловившая переход к современному, еще только обретающему методологические очертания, постнеклассическому типу научной рациональности, характеризуется «снижением водораздела» между естественными и социально-гуманитарными науками, их взаимным влиянием. Это взаимодействие обусловлено тем, что проблемой познаваемости мира становится его референтность, продиктованная спецификой средств формирования современной социальной реальности – лингво-коммуникативных, пространственно-образных, темпоральных, основанных на необходимости соотношения знака и предмета, «плана-содержания» и «плана-выражения».

Неклассическая наука, расширяя горизонты познавательной деятельности, столкнулась с фрагментацией представлений о социальной реальности, ее культурно-исторического измерения, утратой ею целостного видения мира. Так, «на вопрос о том, существует ли объективный мир, «природа вещей», а тем более – мир прошлого, с которым должно быть соотнесено научное знание, представители постклассической эпистемологии отвечают чаще всего отрицательно. Образ мира для них – это скорее конвенции, соглашения научного сообщества» [7, с. 407] и общества в целом.

Именно стремление преодолеть эти проблемы, ставшие следствиями установок радикального постмодернизма, становится стимулом развития нового постнеклассического типа науки, который постепенно стремится к интегративности и новому типу метапарадигмальности, исторической ретроспективе природы вещей, так как реконструкция прошлого непосредственно и необходимо связана с конструированием настоящего и будущего.

В свете этого формирование междисциплинарных методологических феноменов в философии и социально-гуманитарных науках, например, в философско-антропологической методологии, приобретает форму междисциплинарно-интегративных походов, оказывает влияние на векторы развития естественнонаучной методологии и методологии технических наук, ориентирующихся на создание «человекоподобных» техники и технологий.

В систему социально-гуманитарной методологии интегрируются новейшие методологические принципы естественных наук, расширяя горизонты познания социальной реальности и человека.

Таким образом, проблема типов научной рациональности является фундаментальной для современной истории и философии науки, демонстрирующей глобальную значимость и взаимосвязанность как внешних по отношению к науке культурно-исторических, социально-политических и цивилизационных факторов, так и внутринаучных – философских, ценностных, этико-нормативных, инструментально-эпистемологических принципов. Эта взаимосвязь имеет онтологическое основание, получившее в современном мире воплощение через субъектность человека, «достигшего, наконец», статуса социального и индивидуального субъекта во всех сферах жизни, субъекта творческой и познавательной деятельности, «разум» которого укрепился в автономности, самодостаточности и стал инструментом формирования субъективной реальности, путем существенного духовного и коренного технологического преобразования природы.

При этом вопрос познаваемости мира в его социальном, духовном и природном измерениях, с учетом антропологического фактора, выделившегося из экосистемы природы и экосистемы природы как таковой (сегодня их взаимоотношения находятся в плоскости коэволюции не только в ее биологическом понимании, но и ценностном прочтении), остается открытым в частности и в контексте глобальных проблем современности.

В свете сказанного вопрос научной рациональности и когнитивного стиля мышления выходит за пределы эпистемологических и гносеологических интерпретаций и получает онтологическое, аксиологическое, антропологическое, социально-культурное измерение.

Важным также представляется рассмотрение через призму типов научной рациональности динамики научной картины мира как фундаментального основания науки и научного познания. Научная картина мира – *«это широкая панорама знаний о природе и человечестве, включающая в себя наиболее важные теории, гипотезы и факты, претендующая на то, чтобы быть ядром мировоззрения»* [5, с. 125]. Она представляет собой целостную систему представлений об общих свойствах и закономерностях природы, общества, мышления, формирующуюся в результате обобщения и синтеза основных научных понятий и принципов с ценностными доминантами культуры на конкретных историко-культурных этапах.

В структуру научной картины мира включены относительно устойчивое теоретическое ядро (объединяющее знания о природе, обществе, мышлении, человеке) – *общенаучный уровень*; фундаментальные допущения, условно принимаемые за неопровержимые; частные теоретические конструкции, которые постоянно достраиваются – *частнонаучный уровень*.

Таким образом, научная картина есть своеобразная интеграция всеобщих центральных теоретико-методологических тенденций, пронизывающих все уровни и направления науки, конкретизируясь на частнонаучном и конкретно-проблемном уровнях в непосредственных исследовательских практиках, обеспечивая воспроизводство в них доминантных всеобщих принципов и закономерностей знания. Она регулирует формирование теорий, определяет постановку задач эмпирического исследования, ведение эксперимента и наблюдения, интерпретацию результатов исследования в соответствии с культурно-историческими особенностями понимания мира и человека.

Научная картина мира, научные картины более частного уровня являются исторически развивающимися и изменяющимися, подчиняющимися эволюционным и революционным формам исторической динамики науки (в частности, сменам типов научной рациональности).

В свете этого *исторические типы научной картины мира* подчинены историческим типам научной рациональности и выражены *классической* (механистической), *неклассической* (динамической, стохастической) и *постнеклассической* (синергетической) формами. Если соотносить типы научной картины мира с содержанием глобальных научных революций, то можно выделить научные картины, свойственные додисциплинарной науке XVII века, дисциплинарно-организованной науке XIX-XX веков, современной науке с ее междисципли-

нарными (а шире, междисциплинарно-интегративными) связями. Основные исторические формы при этом охватывают период с XVII века, времени становления классической науки, оставляя за своими пределами систему научных принципов и понятий, предшествующих этому времени эпох.

Научная картина мира в целом является продуктом длительного исторического развития науки как части культуры. Вместе с тем необходимо отметить, что динамика постклассических ее форм (неклассической и постнеклассической) значительно ускорилась, а уровневая модель усложнилось, делая современную научную картину плюралистичной (сегодня различают общенаучную картину мира, создаваемую естественными и социально-гуманитарными науками; картины мира наук, близких по предмету исследования (естественных, технических, социальных, гуманитарных), картины мира конкретных отдельных наук (физики, философии, биологии и др.). Также формируются специальные картины, актуальные для конкретных областей научного знания, которые позволяют вырабатывать исследовательские программы, ориентирующие эмпирический и теоретический поиск.

Таким образом, детерминируемая утратой целостного видения мира и его фрагментацией структурная модель современной научной картины мира в условиях пересечения неклассического и постнеклассического типов научной рациональности стремится к выработке новых форм универсализма, основанного на интегративном подходе.

1.2. Формы существования науки и подходы к ее пониманию в контексте философии науки

Становление *философии науки* в середине XIX¹ века как системы философских концепций науки и научного познания, пришедших на смену натур-философскому их пониманию, было детерминировано кризисом классической теории познания:

- изменениями в самой философии (выделение из системы философского знания к середине XIX века относительно самостоятельных философских дисциплин, таких как гносеология, онтология, этика, эстетика, логика, социальная философия, философия истории, философия права, философия науки и других);
- потребностями науки в новых философско-методологических принципах и средствах обоснования и интерпретации (в частности, становление социально-гуманитарных наук разрушило прежнюю синкретичность обществоведческого и научного знания, «возникла острая проблема стыковки различных

¹ Оформление философии науки произошло на относительно поздних этапах развития науки и философии (к 40-м годам XIX века). В этот же период немецким философом Е. Дюрингом, который поставил задачу разработать логику познания с опорой на достижения науки, был применен термин «философия науки».

представлений о реальности, вырабатываемых в различных науках, воссоздания на новой основе целостной научной картины мира» [3, с. 13]).

В рамках европейской культурной традиции гносеологии становление философии науки представляет собой длительный процесс. Уже в самых ее истоках можно обнаружить и зафиксировать глубокие связи и взаимоотношения между философскими и научными знаниями. Античная философия возникла как натурфилософия, где философия и научные знания находились в органическом единстве. В ней рефлексия над проблемами науки не занимает особого места. Да и сама наука преимущественно описательна и спекулятивна, а ее прикладное применение не занимает доминирующего места в античной культуре.

А. Койре отмечает, «греческая наука ... не создала истинной технологии, так как не создала физики» [12, с. 130-131], но замечает при этом, что ее выдающимся достижением является «небесная кинематика», основанная на тщательном и точном измерении неба математическими инструментами (математическая астрономия), которые греки не пытались применить на земле. Именно благодаря этим измерениям к эпохе Возрождения «миром овладевает идея точности [12, с. 130-131], которая приходит на смену мира «приблизительности».

До периода Нового времени, сменившего мировоззренческую ориентацию с религиозной на научную и обусловившего становление науки как основной производительной силы общества, ни само научное исследование, ни философское исследование науки не только не являлись специализированными, но и систематическими.

«В чем заключено существо науки Нового времени?» – задается вопросом М. Хайдеггер. Отвечая на вопрос, он замечает: «Употребляя сегодня слово «наука», мы имеем в виду нечто в принципе иное, чем *doctrina* и *scientia* Средневековья или *episteme* греков. Греческая наука никогда не была точной, а именно потому, что по существу своему не могла быть точной и не нуждалась в том, чтобы быть точной. Поэтому вообще не имеет смысла говорить, что современная наука точнее античной. ... Существо того, что теперь называют наукой в исследовании» [13, с. 41–42].

В преобладающей части философских систем Нового времени обоснование науки как основы прогрессивного развития общества и поиск оптимальной концепции научного познания (Ф. Бэкон, Р. Декарт, Г.В.Х. Лейбниц, Д. Дидро, И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте), во-первых, заложили традиции выделения науки из тождества наука-философия или наука-естествознание (с XVII века наука перестала рассматриваться как равновеликая какой-либо конкретной области знания), во-вторых, – понимания науки как предмета философского и исторического анализа.

С XVII века по XIX век само развитие науки в контексте европейской культуры сделало ее важным объектом философского осмысления. Именно в это время вырабатывались и формулировались многие подходы и проблемы, получившие впоследствии развитие в корпусе современной философии науки. Однако вплоть до середины XIX века *натурфилософия* оставалась разделом философии, изучавшим устройство мира и природу мироздания путем логических построений (гипотез) или на основе опыта (эксперимента).

В отличие от античных мыслителей, Ф. Бэкон разработал «новую» опытную натурфилософскую методологию, основанную на связи философии с достижениями естественных наук и имеющую индуктивный характер. Его методология оказала огромное влияние на эмпирическое направление как в философии, так и в естествознании, соответствуя этапу «первоначального накопления информации» во многих отраслях познания природы.

Если линию Ф. Бэкона можно назвать «эмпирической методологией», то линию последователей Г. Лейбница «метафизическими натуралистами». Для рационалистов-картезианцев, у которых основной чертой натурфилософской спекуляции было априорное конструирование принципов, опирающихся на «самоочевидность» их для мыслящего субъекта и игнорирующих опыт, была характерна «физико-геометрическая натурфилософия». В целом, для натурфилософии как особого исторического типа методологии естествознания характерно признание объективности и автономности природы и отсутствие диалектического единства опыта и умозрительного мышления.

Определяющей тенденцией философии Нового Времени является движение мысли от конструирования натурфилософской картины мира и умозрительного уяснения «истинной природы вещей» к анализу категориальной природы мышления и его познавательных способностей. Решающий шаг в этом направлении сделал И. Кант, философское творчество которого представляет собой движение от «всеобщей естественной истории и теории» к «критике чистого разума». Идею переосмысления онтологии в определенном смысле завершил Гегель, оформив ее в тезисе о тождестве бытия и мышления. Наиболее развитая методология натурфилософии была представлена в работах Ф. Шеллинга и Г. Гегеля, которые довели ее до высшего теоретико-методологического уровня [14].

К середине XIX века натурфилософия исчерпала свои возможности в качестве методологии естествознания, хотя и не исчезла полностью. Начался процесс размежевания между учеными и философами, причем роль последних постепенно ограничивалась вспомогательными функциями по проверке основополагающих начал, которыми руководствовались в своих изысканиях ученые. Все это привело к тому, что в западноевропейской культуре сложилось отрицательное отношение к натурфилософии. На смену ей пришла позитивистская методология естествознания как наиболее распространенная среди естествоиспытателей.

Само понятие «позитивная философия» было заимствовано О. Контом у Ф. Шеллинга, который считал, что негативную философию нужно дополнить позитивной. В частности, в 1832 г. Шеллинг прочитал в Мюнхенском университете лекционный курс, посвященный изложению системы позитивной философии. Позитивная философия, в противоположность негативной философии, рассматривалась Шеллингом как постижение мира не в его рациональной сущности, а в самом его реальном постижении.

У истоков понимания философии науки как особой области знания стоял английский (Шотландия) историк и философ науки У. Уэвэлл (Хьюэлл). Как верно отмечает Ю.А. Помпеев, «У. Уэвэлл впервые представил историю и фи-

лософию науки как особое направление, исследующее характеристики научно-познавательной деятельности в соответствии с некоторым методологическим идеалом» [15, с. 63]. В своей работе «Философия индуктивных наук» У. Хьюэлл писал о тесной связи физической науки с метафизикой. По его мнению, «подлинными творцами в науке отличаются от тех, кто занимается голой спекуляцией, не тем, что в их головах нет метафизики, а тем, что они придерживаются хорошей метафизики, – ... они связывают свою метафизику со своей физикой, вместо того, чтобы разъединять их» [16, с. 507].

Философский анализ науки, по У. Хьюэллу, *на теорию которого большое влияние оказала немецкая диалектика*, направлен на выявление природы, особенностей и структуры научного знания, а также его фундаментальной противоположности (антитезы) и общей теории их синтеза. Иными словами, У. Хьюэллом не поддерживалась тенденция разделения естественных наук и философии (метафизики), свойственная позитивизму, а утверждалась необходимость их диалога и синтеза. *Все уровни и формы научного познания рассматриваются им как взаимосвязанные и предполагающие друг друга, находящиеся в диалектическом единстве.*

Основным предметом исследования У. Хьюэлла является наука, научное знание как таковое, а целью – создание всеобщего метода научного познания. Это исследование науки предполагает, по его мнению, философский, методологический и исторический срезы реализации.

Задачей исторического анализа является описание и исследование конкретных примеров прогрессивного развития различных наук – астрономии, геологии, физиологии, химии, минералогии и других. Отправной точкой исторических исследований ученого было рассмотрение истории науки как истории развития знания, знания как такового, независимого от субъекта познания и от социальных условий развития науки.

У. Хьюэлл показывает, что история науки должна быть научной, теоретической, концептуальной, иначе – она не достойна называться историей и оказывается только набором беспорядочных фактов и сведений. И когда история действительно становится концептуальной и теоретической, она фактически превращается в теорию познания, в философию, методологию и логику [17]. Этот основополагающий принцип взаимосвязи философии и науки не был продолжен последующими исследователями феномена науки. В первую очередь, это касается представителей позитивизма.

Анализируя соотношение натурфилософии и философии науки, Н.Н. Страхов – русский философ, литературный критик второй половины XIX века – показывает, что в пренебрежении к философии состоит суть позитивизма. Поэтому он склоняется к немецкому идеализму, хотя и не безоговорочно. По его мнению, «следовало остаться верными немецкому идеализму; тогда, если бы и оказалась необходимость выйти из этого идеализма, мы вышли бы, вероятно, не в ту сторону, в которую вышли немцы», которые пошли «в науку к новейшим французам и англичанам» [18, с. 12], т.е. стали позитивистами. Н.Н. Страхов считал, что позитивизм – есть всего лишь «попытка основать на положительных науках полное мировоззрение, полную философию» [18, с. 13].

Осознавая недостатки этого подхода, русский мыслитель стремился создать теоретическую конструкцию, в которой нашлось бы место и данным естественных наук и их философскому осмыслению.

С этой точки зрения, позитивизм для Н.Н. Страхова выступал как одно из проявлений кризиса западноевропейского Просвещения, поскольку он стремился к упразднению философии и растворению ее в естествознании. Решая вопрос о взаимодействии философии и науки в широком культурно-историческом контексте, Н.Н. Страхов утверждал, что отношение философии к наукам есть существенная черта, когда речь идет о состоянии философии. По его мнению, если философия сильна, она действует на науки, а плоды ее влияния фундаментальны. Отрицание философии приводит к упадку истинно-научного духа в науках.

Полезность философии для естественных наук, по Н.Н. Страхову, состоит в разъяснении понятий и выявлении их смысла. С этих позиций он писал об основных понятиях психологии и физиологии, об атомистической теории, рассматривал основные представления о жизни и анализировал ряд научных и натурфилософских идей, ставших позднее составной частью философии русского космизма.

В современной философии науки по отношению к позитивизму высказывается точка зрения, согласно которой позитивизм скорее является методологической концепцией науки, но не концепцией философии науки, так как позитивизм не признает философию в качестве научного знания и познания.

Гуманитарная переориентация западной философии на рубеже XIX и XX веков, выразившаяся в критике сциентистского мировоззрения и позитивистской методологии, возродила чувство историзма у философов и ученых. Постмодернистская концепция философии науки и методологии ориентируется уже не на естествознание, а на социально-гуманитарные отрасли знания. Вместо построения глобальных концепций происходит создание множества дискурсивных практик, функционирующих преимущественно на эмпирическом уровне. Принцип плюрализма стал очередным универсальным средством осмысления современных философских учений, в частности – в философии науки и философии социально-гуманитарных наук.

Таким образом, можно выделить два основных этапа в становлении философского осмысления науки, связанных:

– с выделением науки в качестве предмета философского осмысления во второй половине XIX века;

– с рассмотрением феномена науки как всеобщего, не выводимого ни из какого сугубо позитивного исследования.

В современной философской литературе понятие «философия науки» употребляется в различных аспектах и смыслах, среди которых признанными считаются следующие:

– **философия науки** – особое философское направление, исследующее характеристики научно-познавательной деятельности;

– *философия науки* – определенный раздел философии, разрабатываемый в рамках различных философских направлениях и изучающий науку как специфическую сферу культуры и человеческой деятельности.

Предмет философии науки связан как с пониманием сущности и особенностей науки, так и с дисциплинарным статусом самой философии науки. Современная философия науки носит интегративный характер, она погружена в такие философские учения, как неокантианство, диалектика, феноменология, герменевтика, экзистенциализм, неотомизм, постмодернизм и различные исторические формы позитивизма. При определении предметности философии науки векторы смещаются с понимания как части философского знания на утверждение ее дисциплинарной самостоятельности.

Предметом философии науки становится научная рациональность, которая получила интерпретации в различных философских доктринах: позитивизме, в его различных исторических формах, неокантианстве, философии жизни, марксизме.

Это обусловлено тем, что именно научная рациональность определяет «общие закономерности и тенденции научного знания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в историческом развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социально-культурном контексте» [3, с. 13]. Именно такое определение предмета философии науки предлагает В.С. Степин.

В современной техногенной цивилизации наука играет особую роль, так как «технологический процесс, приведший в развитых странах Запада и Востока к новому качеству жизни, основан на применении научных достижений. Наука не только революционизирует сферу производства, но и оказывает влияние на многие другие сферы человеческой деятельности, начиная регулировать их, перестраивая их средства и методы» [3, с. 5].

Что же такое наука и какова специфика научного познания? Науку можно рассматривать через связь основных ее аспектов:

- 1) как систему знания и форму общественного сознания;
- 2) как определенный вид общественного труда и специфический вид духовной деятельности (и как основу разделения труда);
- 3) со стороны ее общественной роли, прежде всего, как производительной силы.

В контексте сказанного наука в самом общем виде определяется как особый вид теоретической и практической деятельности, направленной на производство объективного истинного знания, как социальный институт, а также как часть культуры, имеющая несколько функций [14, с. 9].

Вопрос генезиса науки, продуктом которой являются объективно-истинные знания о природе, человеке, всех сферах жизнедеятельности человека, рождаемых из его взаимодействия с природой, так или иначе, возвращает к историографической плоскости проблемы.

Неудивительно, что такие крупные философы, как Дж. Бернал, А. Койре, М. Хайдеггер, К. Ясперс и другие отмечают, что бросая взгляд на историю науки и познания, можно обнаружить в качестве их генетического начала рационализацию вообще, как общечеловеческое свойство. Именно это свойство на раз-

ных исторических этапах рационализирует миф и магию, рождает логически и методически осознанную греческую науку, утверждает с конца XVII века и, начиная с XIX века, развертывает современную науку.

Наука развивается в результате отмежевания от мифологии и религии, от объяснений явлений сверхъестественными причинами. Она опирается на рациональное объяснение действительности, характеризуется последовательностью и систематичностью, стремлением обосновать свои положительные знания, специфическими способами проверки – а) научный эксперимент и б) правила выводного знания. Начиная с XVI-XVII веков, происходит интенсивный процесс институционализации науки, связанный с организацией исследований и воспроизводством научной деятельности (возникновение консолидации ученых с появлением научных сообществ, специальных учебных заведений, научных журналов). Хотя первые признаки институционализации науки отмечаются еще в эпоху древних цивилизаций.

Появление научного знания не отменило, не упразднило и не сделало бесполезным другие формы познания и знания, существующие за пределами науки. Наряду с научным познанием и знанием существуют донаучное, вненаучное, художественно-творческое и другие формы освоения действительности – человека и мира. Донаучное познание – это исторический этап в развитии познания, предшествующий научному познанию. Обыденное или житейское – это познание, основанное на наблюдении и практическом освоении природы и на накоплении многими поколениями жизненного опыта. Не отрицая науку, оно не использует ее средства – методы, язык, категориальный аппарат.

В.А. Лекторский, анализируя вопросы эталона научного знания, так характеризует соотношение научного познания с вненаучными формами познания (мифологическим, религиозным, философским, художественным, обыденным): «научное познание – один из способов познания реальности, существующий наряду с другими и в принципе не могущий вытеснить эти другие. Но разные способы мышления не просто существуют, а взаимодействуют друг с другом, ведут постоянный диалог (включающий взаимную критику) и меняются в результате этого диалога. Поэтому сама граница между научными и вненаучными формами мышления является гибкой, скользящей, исторически изменчивой» [19, с. 46–54].

Традиционно выделяют следующие формы вненаучного знания:

– *ненаучное*, понимаемое как разрозненное несистематическое знание, которое не формализуется и не описывается законами, находится в противоречии с существующей научной картиной мира;

– *донаучное*, выступающее прототипом, предпосылочной базой научного;

– *паранаучное* (пара – от греч. – около, при) – несовместимое с имеющимся гносеологическим стандартом, включающее в себя учения, объяснение которых не является убедительным с точки зрения критериев научности;

– *лженаучное* – сознательно эксплуатирующее домыслы и предрассудки;

– *квазинаучное* знание, опирающееся на методы насилия и принуждения в условиях жестко иерархизированной и идеологизированной науки;

– *антинаучное* – утопичное и сознательно искажающее представление о действительности;

– *псевдонаучное* знание, представляющее собой интеллектуальную активность, спекулирующую на совокупности популярных теорий, например, истории о древних астронавтах, о снежном человеке.

Рассматривая феномен антинауки, Дж. Холтон понимает ее как серьезный культурный вызов. По этому поводу он резонно замечает, что «не будет преувеличением сказать, что подключение антинауки к политической механике, вовлеченность ее в авантюры и амбиции политиков способствуют пробуждению зверских начал, до поры дремлющих в глубинах человеческой природы» [20].

Вопрос демаркации научного и вненаучного знания неоднократно становился исходным пунктом понимания сущности и социального назначения науки. Так, в эпоху Просвещения социальным конструктивизмом обладало знание, соответствующее критериям механистической рациональности как эталона научности того периода. Данная установка находит выражение в постулате а) «чем больше в науке математики и экспериментальных фактов, тем более истинной она является»; б) в определенной интерпретации данный принцип перешел в систему классических позитивистских средств различения научного и ненаучного (вненаучного) знания, формируя «физический» эталон научности, кризис которого обозначился только к 1860-м годам, уступив передовые позиции биологии и функционализму. В первых десятилетиях XX века развитие антипозитивистских концепций философии науки и методологии социально-гуманитарных наук способствовало становлению неклассической дифференцированной системы эталонов научности, учитывающих специфику объекта познания разных наук и роль субъекта в этом познании.

Сегодня к наиболее емким признакам научного познания относят опору познавательной деятельности на познавательные методы, достоверность и общезначимость получаемого знания. К. Ясперс по этому поводу замечает, что «этими критериями располагала уже греческая наука, несмотря на то, что полная их разработка не завершена по сей день. Что же характеризует под углом зрения этих трех моментов современную науку? 1) Современная наука *универсальна по своему духу*. ... 2) Современная наука *принципиально не завершена*. ... 3) Современная наука *ни к чему не относится равнодушно*, для нее все имеет научный интерес; она занимается единичным и мельчайшим, любыми фактическими данными как таковыми» [21, с. 100].

В современных подходах, разрабатываемых в рамках истории и философии науки, обосновываются три основных модуса бытия науки:

– наука как генерация нового знания. *Первое и основное предназначение науки – производство новых знаний о мире и человеке. Так как новое знание вырабатывается не только наукой, необходимо выделить в многообразии видов знания именно научное, представленное в теоретической систематизированной форме, обладающее принципиальной проверяемостью на истинность;*

– наука как социальный институт, когда исторически сложились различные формы институционализации науки. *Наука как социальный институт*

предполагает, во-первых, совокупность знаний и их носителей; во-вторых, наличие познавательных целей и социальных функций; в-третьих, обладание специальными средствами познания и научными учреждениями, системой воспроизводства научных кадров; в-четвертых, появление научных журналов, книг, обществ; в-пятых, организацию систематического образования подрастающего поколения;

– наука как особая сфера культуры, когда она рассматривается как часть культуры, взаимодействующая с другими видами культурной деятельности и ценностями, такими формами общественного сознания, как искусство, мораль, философия, религия, а также и со всеми существующими социальными институтами общества. Отсюда действительное представление о роли и месте науки в общей системе культуры человечества можно получить только тогда, когда учитываются многообразные ее связи и взаимодействия с другими компонентами культуры и раскрываются специфические особенности науки. В частности, в качестве феномена культуры наука существенно изменяет качество личности, проникая в процессы социализации, воспитания и инкультурации.

С этой точки зрения, наука – это сложное многогранное явление, имеющее многообразные связанные модусы бытия, включенные в культурно-антропологический контекст, сохраняющее при всей сложности целостность.

В истории и философии науки выделяют три основных подхода к исследованию науки: 1) *логико-эпистемологический, согласно которому наука представляет собой особую систему знаний, 2) социологический, который рассматривает науку как особый социальный институт, 3) культурологический, изучающий науку в контексте культуры* [14, с. 11].

Логико-эпистемологический подход к пониманию науки, научного знания и познания является наиболее разработанным и имеющим давние корни, уходящие к зарождению понятий и средств, призванных обеспечить истинное знание, подчиняющиеся рациональным законам мышления и логики. Его расцвет приходится на период становления «точной», экспериментально подтверждаемой и проверяемой науки классического типа научной рациональности.

Изложенные выше проблемы философии науки, так или иначе, воспроизвели проблематику логико-эпистемологического подхода, главными проблемами которого становятся генезис и развитие науки, внутренние и внешние факторы ее существования, структура научного знания, критерии выделения научного знания и познания из других форм знания и познания. Наиболее авторитетным и современным в рамках данного подхода является позитивистское понимание науки, максимально сциентичное по своей сути.

Как показывает научная практика, развитие в начале XX века антипозитивистских и внепозитивистских концепций философии науки, в частности – философии социально-гуманитарных наук, привело к пересмотру классического идеала научности, сформировав неклассический идеал, существенно трансформировавший традиционное видение демаркации и сциентизма (антифундаментализация сциентизма [4, с. 23–24]).

Современный сциентизм «отнюдь не отрицает и факт глубокого взаимодействия науки, философской метафизики и религии в процессе становления современного научного знания. Но так как с помощью научного знания могут быть решены основные проблемы, с которыми сталкивается человечество, очень важной становится проблема отделения научного знания от знания вне- и псевдонаучного. Как известно, в ходе развития логического позитивизма и разного рода постпозитивистских школ выдвигались различные критерии, с помощью которых можно было провести подобное отделение: *верификация* Карнапа, *фальсификация* Поппера, «*позитивный сдвиг проблем*» Лакатоса и др. Проблема эта так и не была решена, так как граница между научным и вненаучным познанием оказалась достаточно размытой» [19, с. 46].

Признание сложности демаркации, наложенное на иррационализм и человекоцентризм неклассической науки, способствовало диверсификации подходов к пониманию науки. Это приводит к тому, что наука исследуется не только как система знаний, но и как социальный институт. Социологический подход, прежде всего, исследует проблемы социальной и интеллектуальной организации науки, ее социальные институты, социальные функции, процессы производства и принятия обществом новых знаний, научные коммуникации, нормативные и ценностные основания социальной деятельности по производству и трансляции знаний.

Предпосылки социологического подхода к науке заложены Э. Дюркгеймом, М. Вебером и другими, решавшими базовые вопросы социологии знания, хотя самостоятельное его становление относится к 30-м годам XX века. В частности, польско-американский социолог Ф. Знанецкий указывал, что социология должна исследовать проблемы взаимодействия людей, деятельность которых связана с генерированием новых знаний, изучать социальные роли ученых, их ценностные ориентации и предпочтения с точки зрения их влияния на характер получаемых знаний.

Многообразные формы организации научных исследований (от академических до производственных лабораторий предприятий), а также проблемы связи науки и производства в разных социально-экономических формациях исследовались Дж. Берналлом.

Классическое социологическое понимание науки с позиций структурно-функционального подхода было разработано Р. Мертоном. Им и его последователями было введено понятие этоса науки как совокупности социальных норм, регулирующих главную социальную функцию науки – приращение нового эмпирически и теоретически проверенного знания. В систему указанных норм были включены такие, как *универсализм*, *коллективизм*, *бескорыстность*, *организованный скептицизм*. Впоследствии эта система была дополнена принципами *рационализма* и *эмоциональной нейтральности* (Б. Барбер). В рамках мертоновской школы также исследовались проблемы социальной стратификации в науке, системы научных коммуникаций, факторы, влияющие на становление и развитие научных дисциплин.

Социология науки Мертона сохраняет статус классической. Вместе с тем она достаточно активно критикуется. Например, современные критики социологии науки Мертона и его последователей указывают, что, несмотря на попытку стать на «рельсы» антропологизма, она остается в рамках неопозитивистского образа науки как системы обезличенного знания, а универсальные нормы научной деятельности не раскрывают реальных мотивов и ценностных доминант поведения ученых в конкретных социально-политических и экономических условиях.

Критика идей Мертона оказала положительное влияние на дальнейшее развитие социологии науки, в частности – в области проработки микроуровневых факторов и стандартов поведения ученых в когнитивной социологии и аксиологии (М. Малкей). Принципы когнитивной социологии науки обосновывают полную зависимость научной теории от субъекта познания и условий познавательной деятельности, согласно чему реконструировать реальный путь развития науки вообще невозможно [22].

Данные проблемы актуализируют политические и экономические контексты взаимодействия науки и антинатуки.

В рамках культурологического подхода важнейшими проблемами являются взаимодействие внешних и внутренних культурных факторов развития науки (экстернализм и интернализм) и связь науки с другими формами духовной культуры.

К обозначенным подходам примыкают:

– *натуралистический* (физикализм и биологизм как детерминанты научного знания);

– *релятивистский* (основанный на интересе к формальной логике как идеалу научности);

– *конструктивистский* (исследует многообразные инструменты (социальные, лингво-коммуникативные, психологические) конструирования, трансляции знаний, интериоризации и опривычивания их в общественном сознании, воспроизводства знаний – Б. Латур, Т. Лукман, П. Бергер);

– *феноменологический* (соотносит традиционный идеал научного знания с реальными институционально-психологическими, интуитивными практиками его перехода на уровень обыденного сознания – Э. Гуссерль, М. Шеллер, Н. Гартман, М. Хайдеггер, Г. Риккерт).

Таким образом, современные подходы к исследованию науки чрезвычайно многообразны. Они опираются на интеграцию современных принципов сциентизма и антисциентизма, доказывая тезисы о принципиальной незавершенности современной науки и многообразии форм ее бытия как феномена культуры. Обозначенные подходы будут более полно раскрыты при исследовании проблем философии социально-гуманитарных наук.

1.3. Научный метод в контексте концепций философии науки

Центральной эпистемологической проблемой современной культуры является проблема метода, которая, начиная с Нового времени, представляет наибольшую трудность для философии и науки. Только на первый взгляд проблема состоит в том, что философский метод разрабатывался философами, а научный метод – учеными, представителями естественных (XVII в.) и социально-гуманитарных (XIX–XX в.) наук. Являясь же непременной составной частью всех развитых форм теоретической (и философской, и научной) деятельности, метод обладает особой социальной ценностью. Он присутствует в структуре философского и научного знания, занимая одно из главных мест в философских и научных концепциях Г. Галилея и И. Ньютона, Ф. Бэкона и Р. Декарта, И. Канта и Г.Ф.В. Гегеля, различаясь предметом, правилами (эмпирический уровень) и принципами (теоретический уровень).

Обращение к проблеме научного метода как специфического гносеологического феномена стало возможным, прежде всего, благодаря «Рассуждениям о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» [2] Р. Декарта, где пальма первенства отдается разуму, а не чувственным заблуждениям, чем, по сути, и утверждается господство разума. Действительно, в классическую эпоху разум «заставляет безумие безмолвствовать», открывая простор для методологического творчества. При наличии этих компонентов сознания в мышлении новоевропейских ученых и философов вряд ли удалось бы разработать столь многообразные подходы к пониманию метода. На передний план могли бы выйти, как это имеет место сегодня в постмодернизме, размышления о приоритете произвола, игры и случая, против чего настойчиво выступал в свое время Ф. Бэкон, противопоставляя случай и методичность.

Смысловая история понятия «метод» была всегда тесно связана с теми философскими и научными направлениями, которые, начиная с Нового времени, представляли собой различные модификации эмпиризма и рационализма или представляли собой попытки их концептуального объединения. На вопрос, где искать эти новые методы исследования, если предмет еще не известен, не раскрыт в ходе познания, ответ давался в новоевропейской философии двояким образом:

- *в опыте, с помощью органов чувств (эмпиризм);*
- *в разуме, во врожденной способности человека (рационализм).*

Своеобразие различных учений о методе, так или иначе, было связано с пониманием природы человеческих заблуждений и поиском способов их устранения. Именно таким образом научный рационализм отстаивал свою независимость в борьбе с религией, что происходило в определенном социокультурном контексте, включавшем различные культурные напластования, вплоть до архаических.

Решение поставленной проблемы привело к формированию двух общенаучных методов – *индукции* и *дедукции*. Если, например, Ф. Бэкон¹ развивал правила индуктивного исследования природы (1620 г.), то Р. Декарт формулировал «правила для руководства ума» (1637 г.), а И. Ньютон в «Математических началах натуральной философии» (1682 г.) писал о положениях или правилах для естественных наук. После постановки цели исследования, они переходили к 1) предписаниям и регулятивным требованиям, 2) размышляли над методами познания, которые затем оттачивались и совершенствовались в ходе познавательной деятельности. Правда, Бэкон и Декарт, выдвинув идею о новом способе философствования и методе научного исследования, не различали и не обосновывали их специфику. Это было связано с тем, что классическая методология поставила перед собой цель отыскать некий «абсолютный метод», частными модификациями которого выступали бы все известные методы научного познания. Таким образом, переход от религиозной философии к научной философии Нового времени потребовал не только создания новых видов познавательной деятельности, но и новых средств познания.

История философии показывает, что идея прогресса, пришедшая на смену идее «вечного возвращения» (М. Элиаде) как основополагающего (смена поколений) принципа круговорота жизни и развернувшая «стрелу» времени, направив ее в будущее (А. Блаженный), обязана модификациям методов познания. Именно в методе Ф. Бэкон и Р. Декарт оказались в оппозиции к предшествовавшей философии, сделав процесс познания краеугольным камнем всего существующего, а гносеологию как теорию познания – ведущей областью новой европейской философии, которая отодвинула онтологию на второй план.

Ведущие тенденции в западноевропейской культуре способствовали поиску и реализации соответствующих конкретным историческим периодам **развития** методов. **Как пример**, когда в XVII-XVIII вв. механика и математика, «включаясь в тело» культуры, определили образ науки, а в XIX-XX вв. ускоряется тенденция к созданию органических методов, – на смену метафизике и математическому методу приходит диалектика.

Только при обращении к специфике динамики культурно-исторического процесса можно рассмотреть, что вплоть до XVII в. под методом понимаются правила, и только в XVIII-XIX вв., под влиянием немецкой классической философии, методу «присваивается» метафизический смысл, а в качестве регулятора «разумной ступени познания» избираются принципы. В частности, Г. Лейбниц одним из первых дает определение принципа как совокупности правил², а И. Кант, назвав принципом «правило применения всех возможных правил», указывает, что именно они лежат в основании метода. В дальнейшем, на объективно-идеалистической основе, эти положения были развиты Гегелем, особо подчеркнувшим сложный функциональный характер метода, который а) «обуз-

¹ Показательно, что Ф. Бэкон – как философ и юрист – впервые ставит проблему методичности в исследовании природных и социально-гуманитарных проблем.

² На основе его понимания принципа в научной практике XIX в. и сложится понимание метода как совокупности правил (на эмпирическом уровне исследования) и принципов – на теоретическом.

дывает мысль», б) ведет ее к предмету, указывая одновременно подход к нему и удерживая ее в нем.

Тем самым, благодаря усилиям Канта и Гегеля, ставилась и решалась проблема собственно философского метода, отличного от методов научного исследования. Если Кант рассматривал метод как «общее предписание» познания и его универсальное средство, то Гегель осмысливает метод в контексте философского знания как нечто имманентно присущее философской деятельности и обладающее своими принципами. Этим самым преодолевается отрыв мышления от бытия, метода от объекта и признается диалектика как научный философский метод. При этом категории отождествляются с реальными определенностями самих вещей. Таким образом, сначала Гегель, а позже Гуссерль отстаивают собственно философский метод, который объективировался ими.

Однако и сегодня, несмотря на огромные достижения в области философской методологии, еще бытует мнение об отсутствии у философии собственного метода познания. Да и сам метод не осмыслен как 1) специфическая гносеологическая реальность и как феномен философской и научной культуры. Сказанное объясняется тем, что многочисленные методологические проработки понятия «метод», которые известны в философии науки XX века, основаны главным образом на индивидуальном опыте исследований и ограничены теоретическим горизонтом собственной специализации. В то же время нет надлежащего внимания к методологической традиции в философии науки.

Между тем в логико-методологическом анализе понятия «метод» с позиций логического позитивизма и постпозитивизма явно демонстрируется подход к редукции философского метода к естественнонаучному методу. Учение о методе в XX веке основывалось на научных и социокультурных предпосылках Нового времени. Только когда во второй половине XIX века начинает формироваться неклассический взгляд на мир и человека, – возникает необходимость философской рефлексии метода и всесторонней его экспликации с учетом новых социокультурных реалий. Как и любая другая культурная универсалия, например, субъект, объект и истина, философский метод выражает определенную характеристику человеческого мышления, зародившись и получив развитие в определенном социокультурном контексте.

Нынешняя гуманитарная переориентация западной философии, выражающаяся в резкой критике сциентистского мировоззрения и позитивистской методологии, ведет к возрастанию чувства историзма у философов и ученых. *Постмодернистская философия и методология ориентируется уже не на естествознание, а на социально-гуманитарные науки.* Вместо построения глобальных концепций происходит создание множества дискурсивных практик, функционирующих преимущественно на эмпирическом уровне. Принцип плюрализма здесь выступает лишь в качестве очередного универсального средства осмысления современных философских учений.

Постнеклассическая методология современной науки, – это неоднородное, полипарадигмальное образование, которое постепенно стремится к интегративности и новому типу метапарадигмальности. Именно *интенгративность*

становится новым вектором развития методологии в условиях постклассического типа научной рациональности.

В этих условиях метод выступает как средство выражения мировоззрения эпохи, как способ обобщения окружающей действительности. Поэтому, на наш взгляд, неверно сводить метод только к принципам, правилам и приемам, к ограничительной, четкой регламентации познавательных средств, поскольку становится непонятным для чего они существуют.

По поводу роли философского метода в культуре имеются различные точки зрения. Так, иногда возникает представление, что можно мыслить без метода. Что касается мышления, то, как известно, ни один исследователь не может обойтись без того или иного метода, поскольку сам факт выбора проблемы фактически является выбором направления исследования, хотя первоначально и недостаточно четко определенного.

С этой точки зрения, для того чтобы понять, каковы место и роль философского метода в современной культуре, необходимо сначала выяснить, что он собой представляет как таковой, и лишь затем можно перейти к выяснению его структуры и специфических функций в широком культурном контексте. При этом важно учитывать, что именно философия, осуществляя обобщающую и интегративную функцию, вписывает метод в общий процесс человеческого познания и деятельности. Лишь благодаря этому метод становится компонентом культуры, приобретает способность влиять на другие области культуры и сам становится все более восприимчивым к их влиянию.

Для более полного понимания степени погруженности научного метода, определяющего внутренние и внешние факторы динамики научного познания, не только в культурно-исторический, но и в культурно-цивилизационный контекст¹ необходимо рассмотреть проблемы исторических типов научной рациональности.

¹ Культура формирует картину мира, способы его восприятия, понимания и оценки, тем самым определяя тип научного мышления, включенного в экосистему и этос конкретной культуры и цивилизации научного сообщества. Прежде всего, это относится к философии и социально-гуманитарным наукам.

Вопросы для самоконтроля

1. Каковы различия в понимании научного метода в классической науке Нового времени и в современной постклассической науке?
2. Какова сущность научного метода?
3. Почему научный метод можно рассматривать как явление культуры?
4. Что такое научная рациональность, каковы ее задачи?
5. Какие выделяют типы научной рациональности и каким культурно-историческим периодам они соответствуют?
6. Каковы критерии разграничения типов научной рациональности?
7. Сравните характеристики исторических типов научной рациональности. Как они содержательно трансформировались?
8. Что такое научные революции, каковы их виды?
9. Какие изменения науки и научного познания происходили в ходе глобальных научных революций?
10. Как связаны научные революции, типы научной рациональности, научная картина мира?
11. Что собой представляет научная картина мира, какова ее типология и связь с наукой и научным познанием?
12. В какой исторический период сформировалась философия науки?
13. Каковы предпосылки становления философии науки?
14. Назовите первую в истории науки концепцию философии науки. На какие методологические принципы она опиралась?
15. Каков предмет философии науки и каковы ее задачи?
16. Как понимаются основные формы существования науки в современной философии науки?
17. Дайте характеристику основных форм бытия науки?
18. Какие подходы к пониманию науки выделяют в современной философии науки?
19. Какова роль науки в культуре современной цивилизации?
20. Как соотносятся сциентизм и антисциентизм через призму типов научной рациональности и научных картин мира?

РАЗДЕЛ 2. ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Важной составной частью философии науки является философия социально-гуманитарных наук. Для понимания ее места и роли в культуре, а также для определения времени ее зарождения и исторических особенностей целесообразно ее рассмотреть в контексте различных направлений философии науки.

Современная наука делает акцент на антропологических характеристиках явлений социального мира и природы, определяемых специфическими свойствами бытия человека и функционирования его сознания. В свете этого современные подходы рассматривают общество и его институты как продукт многообразной деятельности человека как субъекта, обладающего самостоятельным и креативным сознанием, придающего ценностную, психологическую, эмоциональную, морально-нравственную окраску продуктам и результатам своей деятельности, создающего особый тип культуры и соответствующие ей смыслы.

Познать духовную сущность деятельности человека, раскрыть содержание и смыслы, вкладываемые в бытие и его ценности – главные мировоззренческие задачи социально-гуманитарного познания.

2.1. Философия социально-гуманитарных наук как органическая часть философии науки

Философия социально-гуманитарных наук – составная часть философии науки, изучающая закономерности возникновения, становления и развития социально-гуманитарных наук как социокультурных феноменов. *Ее предметом являются общие закономерности и тенденции развития социально-гуманитарного познания как особой деятельности по производству научных знаний, взятых в их развитии и рассмотренных в исторически изменяющемся социокультурном контексте.*

История становления этой философской дисциплины обусловлена, во-первых, содержанием и целями социальной философии, на которой она базируется (позитивизм, антипозитивизм, марксистская философия), во-вторых, постоянным изменением основной проблематики исследования, в-третьих, связью с социологией науки, в-четвертых, развитием, прежде всего, философии социальных наук, а не гуманитарных наук. Концептуально единой философии социально-гуманитарных наук в настоящее время не создано, так как процесс ее развития еще не завершен.

Философия социально-гуманитарных наук рассматривает социально-гуманитарные науки в трех аспектах:

- как познавательную деятельность;
- как систему дисциплинарно организованных знаний;
- как социальный институт.

Структура философии социально-гуманитарных наук представлена следующими разделами, обеспечивающими системное познание социально-гуманитарных наук как социокультурного явления:

- *онтология* социально-гуманитарных наук (генезис, развитие, бытие социально-гуманитарных наук, становление социально-гуманитарной научной картины);
- *гносеология* социально-гуманитарных наук (многообразие форм познания и знания, в частности научного познания, составляющих инструментарий и материю социально-гуманитарных наук);
- *методология и логика* социально-гуманитарных наук (законы, методы, формы социального и гуманитарного научного познания);
- *аксиология* социально-гуманитарных наук (идеалы, нормы социального и гуманитарного познания, роль ценностей в социально-гуманитарном познании);
- *социология* социально-гуманитарных наук (социально-гуманитарное знание как социальный институт);
- *экономическое и правовое регулирование* социально-гуманитарных наук (государственное регулирование направлений социально-гуманитарного познания (истории, политики, права, общества, культуры, мышления) как инструмента духовного производства и формирования общественного сознания; разработка правового и этического стандарта социально-гуманитарных исследований).

Процесс становления и развития философии социально-гуманитарных наук является сложным и, как уже отмечалось, незавершенным по ряду причин:

- 1) социально-гуманитарные науки возникли позже естественно-технических;
- 2) философия отдельных гуманитарных наук возникала раньше (например, философия истории, философия права, социальная философия), других – позже (например, философия образования);
- 3) предмет и цели философии социально-гуманитарных наук определяются тем, на базе какой общей философии или концепции философии науки она функционирует (позитивистская, диалектическая, герменевтическая, феноменологическая и другие).

Философия социально-гуманитарных наук обладает многофункциональными возможностями. К ним относятся следующие *основные функции*:

- *познавательная*. Формирует систему представлений о социально-гуманитарных науках, их специфике и отличиях от других видов научного познания (например, естественнонаучного);
- *мировоззренческая*. Формирует систему взглядов субъекта на объект познания (человека, общество, культуру);

- *методологическая*. Формирует правила социально-гуманитарного познания субъектом объекта;
- *аксиологическая*. Обеспечивает понимание идеалов, норм, этических принципов социального и гуманитарного познания;
- *критическая*. Формирует систему соотношения веры, сомнения, знания в социально-гуманитарных науках;
- *идеологическая*. Ориентирует на поддержку интересов социальных групп и общностей;
- *прогностическая*. Позволяет предвидеть тенденции развития социально-гуманитарных наук в будущем в контексте их значения в осознании и решении глобальных проблем современности.

Как раз в связи с ростом и усложнением глобальных и духовных проблем человечества роль и значение философии социально-гуманитарных наук, самого социально-гуманитарного знания и познания в перспективе будет увеличиваться.

Долгое время в философии науки осмысливались философские и методологические проблемы естествознания и, главным образом, физических и математических наук. Социально-гуманитарные науки довольно поздно стали объектом философской рефлексии. Лишь последние десятилетия им стало уделяться все возрастающее внимание. Проблемы философии и методологии социальных и гуманитарных наук тесно связаны со способом взаимодействия социально-научного социального знания и социальной философии, с социальными идеями философии в целом.

Сегодня сложилось несколько моделей взаимодействия философии науки и социально-гуманитарных наук:

- *модель* иерархической связи социальной философии с теоретическим уровнем конкретных наук об обществе;
- *модель* срединной – медирующей – функции философии во взаимоотношении повседневного опыта, специализированных практик и конкретных социально-гуманитарных наук;
- *модель* сдвига к междисциплинарности в вопросах взаимодействия наук и философии, к увеличению значимости философии в открытии новых контекстов и создании более широкой панорамы знаний.

Имеются более общие характеристики влияния философии на социальные и гуманитарные науки, которые может дать понятие исследовательской программы. Будучи философски «нагруженной», исследовательская программа не тождественна тому или иному философскому направлению, так как не всякое философское направление послужило базой развития научных теорий. Ряд философских ориентаций объединялись для формирования исследовательской программы: так, раннебуржуазная и классическая философия были ориентированы на природу, а изучающие ее науки, соответственно – на натуралистическую исследовательскую программу.

Открытие культуры как особой реальности не разрывает связей человека с природой. Это одна из причин, в силу действия которой культурцентристская исследовательская программа не упраздняет натуралистическую программу.

Природа остается в качестве предпосылки деятельности человека, но культурцентризмом она не охватывается, оставляя место натурализму.

В XX веке противоречие двух исследовательских программ – *натуралистической* и *культурцентристской* – явилось одним из источников движения методологического знания, а также самих наук. Эти программы являются системообразующими факторами социальных и гуманитарных наук, определяющими видение их специфики и методов. При этом культурцентристская исследовательская программа более многообразна в плане философских предпосылок, чем натуралистическая. Эпистемологически культурцентристские программы отличаются от натуралистических подходов тем, что опираются на неклассическую и постнеклассическую трактовку истины. Постмодернистская линия в социальном познании несомненно является специфическим вариантом культурцентристской методологии.

2.2. Становление социально-гуманитарных наук (науки о природе и науки о духе (культуре))

Социально-гуманитарные науки являются специфическим социокультурным феноменом, зародившимся в западноевропейской техногенной цивилизации. С вовлечением традиционных обществ Востока в общие мировые процессы социально-гуманитарные науки приобрели общечеловеческое значение. Наблюдается постоянная смена парадигм социально-гуманитарных наук. Так, в конце XX – начале XXI веков многие философы и представители социально-гуманитарных наук перешли от идеи приоритета общества над человеком к идее приоритета человека над обществом; от монизма к плюрализму в понимании общества и человека; от конфликтной теории общества к солидаристской.

Процесс становления социально-гуманитарных наук является продуктом внешних социально-экономических факторов и внутренних факторов трансформации науки. Активный процесс формирования социально-гуманитарных наук начинается с первой половины XIX века. Их «целью провозглашается не только познание общества, но и участие в его преобразовании и регуляции. Исследуются как общество в целом, так и отдельные его сферы с целью найти оптимальные технологии управления социальными процессами» [23, с. 35]. Данные установки обусловлены кризисом буржуазно-капиталистического общественного порядка, наметившимся к середине XIX века в связи с социально-структурными изменениями общества. К данному периоду утвердились буржуазно-капиталистические принципы, а также связанные с ними процессы индустриализации и урбанизации.

Новое общество представляло собой неклассическую социальную систему, традиционные связи в которой замещались экономическими и политическими. В западно-европейской специфике становление нации и национального государства в Новое время связано именно со сменой идентификации с тради-

ционной культурной и этнической на политическую и экономическую¹. Осмысление новых процессов и рождаемых ими противоречий требовало выработки специализированных социально-ориентированных подходов к пониманию общества, человека, связи между ними *для гармонизации социально-структурных взаимодействий и управления.*

Что касается изменений, происходящих в структуре самой науки и философии, то в Новое время, вместе с распадом первоначального синкретически-органического единства науки, философии и искусства выясняется, что в развитом состоянии всех самоопределившихся составляющих их синкретизм в качестве органического целого оказывается невозможным в силу разнородности последних. Эта разнородность определяется принципиальным различием предметных областей и средств познания. Таким образом, происходит распад прежнего синкретически-органического единства элементов науки (в виде преднаучных знаний), философии и искусства, оформившегося в античности внутри философии и при ее доминировании.

Первоначально философия выступала как интегральная форма научного знания не только по отношению к естествознанию в виде *натурфилософии*, но и в отношении к социально-гуманитарным знаниям в виде социальной философии, философии истории, философии права (*культурфилософии*). Поэтому знания об обществе, культуре, истории и человеке носили до конца XVIII века синкретический характер.

! Под синкретизмом понимается: 1) структурная нерасчлененность, характерная для неразвитого состояния какого-либо явления и 2) объединение разнородных элементов, не имеющее органического характера.

Пример здесь – это философское творчество Платона, философа, завершившего становление философии (сегодня, очевидно, что не философии в чистом виде, которая еще не сформировалась, а культурфилософии, как ее предпосылки) как особого вида познавательной деятельности. Его философствование содержало в себе элементы протонаучного знания: в виде «правильного мнения с объяснением» и искусства. Элемент искусства в философии Платона особенно ярко проявился в художественности жанра его философских сочинений – диалогов.

¹ В частности, один из основоположников немецкой социологии, сформировавшейся под влиянием усилившейся антипозитивистской направленности в немецкой философии, Ф. Теннис (1855–1936), характеризуя предмет социологического анализа, четко разделял понятия *общинности*, которая воспроизводила характеристики традиционного жизненного уклада, основанного на семейно-общественных связях, религии, общении и *общества*, воспроизводящего уклад индустриально-урбанистического характера, основанного на индивидуализме, экономической выгоде, стремлении к политическим привилегиям (капиталистический уклад).

К началу XIX века социальная философия, важнейшими проблемами которой являются общество, культура и человек, накопила избыточную информацию, выходящую за границы спецификации ее предмета. В связи с этим возникла необходимость выделения из нее новых научных дисциплин, которые стали называться социально-гуманитарными науками. ***Их возникновение означало завершение формирования науки вообще, что явилось охватом основных сфер мира – природы, общества, культуры.***

Таким образом, возникновение социально гуманитарных наук было обусловлено следующими социокультурными факторами:

1) наличием обществоведческих идей и историко-логических реконструкций в социальной философии;

2) накоплением значительного массива эмпирической информации об обществе и человеке в исторической науке, который уже «не укладывался» в проблемное пространство социальной философии и философии истории, требуя самостоятельной специализации при познании общества;

3) практической потребностью общества в социально-гуманитарных знаниях для совершенствования управления им;

4) наличием определенного круга подготовленных кадров для создания новых наук.

На первом этапе своего развития многие социальные и гуманитарные науки стремились подражать естественным наукам и усваивать выработанную ими методологию. Практически до конца XIX века центральную тенденцию в методологии социально-гуманитарных наук определял *натурализм* (натурцентризм), утверждавший *методологический монизм* – универсализация естественнонаучных методов познания 1) как единственно истинных; 2) как достаточных и при решении проблем социального и гуманитарного познания. Это было обусловлено тем, что классическая физика (механика) и связанная с ней математика являлись наиболее успешно разработанными в методологическом отношении и социально-востребованными областями знания.

Иначе говоря, социально-гуманитарные науки в качестве наук были вторичны по отношению к научному естествознанию. Это обуславливало «во-первых абсолютизацию естественнонаучного знания (особенно механистической картины мира) в объяснении человека и общества и, во-вторых, к игнорированию специфики последних. Развитие общества объяснялось либо механистическими, либо различными природными факторами (климат, географическая среда), биологическими и расовыми особенностями людей» [23, с. 27].

Таким образом, социально-гуманитарные науки в начале своего становления ориентировались на критерии научности, которые сформировались в классических науках о природе. ***Один из создателей социологии О. Конт, обосновавший и концепцию позитивизма, слепо копировал методы естественных наук, а своего логического завершения эта тенденция достигла в социал-дарвинизме (Г. Спенсер).***

Рассмотрение объектов социально-гуманитарных наук с натуралистической и механистической точек зрения было связано с сильным их упрощением. Так, общество у философов правовой, политэкономической, социально-исто-

рической «квалификации» рассматривалось как «агрегат» изолированных, атомизированных индивидов, связанных между собой случайным исключительно внешним образом. Человек также не рассматривался как сложная система, требующая особенных методов исследования.

Однако постепенно в различных науках о человеке и обществе происходило осознание необходимости и возможности выработки иных подходов, отражающих специфику исследуемого объекта: «Кризис натуралистического подхода в конце XIX – начале XX века был связан с осознанием различий природы и культуры» [24, с. 5]. Культура стала восприниматься не как сфера, в которой человек реализует свои потребности, а как специфическая, несводимая к природе реальность, формирующая человека как личность, как гражданина, социализирующая его и приобщающая к эталонам социального поведения.

К рубежу XIX и XX веков стало очевидным, что социально-гуманитарные науки должны иметь собственную методологическую основу, отличную от методологии естественных наук. Эта установка отстаивалась представителями *баденской школы неокантианства* (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Ласк) и *«философии жизни»* (А. Шопенгауэр, В. Дильтей, Ф. Ницше, Г. Зиммель, О. Шпенглер), сложившимися в последние десятилетия XIX века.

Философия жизни сформировалась как антисциентистическое направление, противоположное классическому рационализму Нового времени и как ответ на кризис механистической научной картины (классического механистического естествознания). Параллельно ей «как реакция на позитивизм возникла ... позиция по вопросу о взаимоотношении наук о природе и человеке. Антипозитивистская философия науки, получившая развитие к концу XIX столетия, гораздо более разнородна и разнообразна, нежели позитивизм. Это направление представляют выдающиеся немецкие философы, историки и социологи. Наиболее известны Дройзен, Дильтей, Зиммель и Вебер. С этим же направлением связаны Виндельбанд и Риккерт – неокантианцы баденской школы. Цель данного направления понимание явлений, входящих в сферу изучения наук о духе, тогда как цель естественных наук – объяснение ...» [11, с. 43–45].

Философия жизни обратилась к жизни как феномену, который прежде не рассматривался в качестве непосредственного объекта исследования. Это объясняется тем, что жизнь воспринималась как производное от определенного «первоначала», соответствующего установке научной картины определенного культурно-исторического периода – космос, Бог, природа, разум – как исходной, первичной реальности, системе, включающей биологические, историко-культурные, психосоциальные, космологические аспекты. Так, для Ницше основой жизни является «воля к власти» как скрытое бессознательное чувство; Шпенглер рассматривает «жизненный цикл культур и цивилизаций», выводя его за рамки эволюционизма и прогрессизма, показывая, что исторический процесс многовекторен, явления упадка и кризиса могут проявляться на разных стадиях развития культуры, в частности, сменяя ее рассвет; Дильтей и Зиммель рассматривают идею развития как основу жизни. Развитие живого в его историческом, культурном, ценностном значениях противопо-

ложно искусственным механистическим образованиям, застывшему и «закостенелому» в культуре и жизни.

Исследуя категорию жизни через призму соотношения целостных и индивидуальных модусов ее существования, их ценностной и культурной обусловленности, В. Дильтей доказывает самостоятельность предмета и метода гуманитарных наук по отношению к естественным наукам, разделяя науки «*о природе*» и науки «*о духе*».

Науки о природе основываются на *методологии объяснения*, раскрывающей исследуемый объект путем восхождения от частного к общему (индуктивная стратегия).

Для *наук о духе*, призванных постичь духовное содержание и духовную целостность жизни, имманентной и необходимой является *методология понимания (в ней на основе внешнего, чувственного выявляется скрытое, внутреннее), которая связана с раскрытием смысла, содержания деятельности и поведения людей в различных формах и жизненных ситуациях* («природу мы познаем, - пишет Дильтей, - а живую душу человека должны понять» [23, с. 40]).

По отношению к истории (постижению прошлого и конструированию будущего) понимание является методом интерпретации – *герменевтикой, которая является методологической основой гуманитарного знания, наукой о понимании и интерпретации социальной реальности и культуры. Герменевтика необходима там, где «не работает» описание логическими и математическими формулами – при познании человека и его жизненной реальности, жизненного опыта, языка, ценностей в их культурно-историческом измерении*. Таким образом, В. Дильтеем было заложено начало различения естественных и социально-гуманитарных наук по специфике исследуемой предметной области. «Философия жизни» Дильтея стала основой для развития многих ее направлений в неклассической философии (экзистенциализм, антропологизм).

Идеи самостоятельности «наук о духе» также обосновывались М. Вебером, – основоположником «понимающей социологии», как интерпретативной социологической парадигмы, и были развернуты Г. Риккертом.

Представители *баденской школы неокантианства*, выступавшие с этикогносеологических позиций, разработанных И. Кантом (понять Канта – выйти за пределы его философии, приняв ее изначально за точку опоры), акцентировали внимание на специфике социального познания, обосновывая его отличие от естественнонаучных форм и методов. Конструирование гуманитарных методологических концепций осуществляется ими не на основе естественнонаучных экспериментальных и математических познавательных принципов, а на основе исторического познания наук о духе и культуры.

Проводя различие между естественнонаучным и гуманитарным мышлением, В. Виндельбанд пишет, что «опытные науки ищут в познании действительного либо общего в форме естественного закона, либо отдельного в виде исторически определенного образа; они рассматривают в одном случае, всегда остающуюся себе равной форму, а в другом – однократное, в себе определенное содержание действительно происходящего. Одни из них суть науки закона,

другие – науки события; первые учат о том что всегда есть, вторые о том – что было однажды. Научное мышление ... – в одном случае номотетично, а в другом – идиографично. ...» [25, с. 666].

По сути они полагали, что социальные и гуманитарные науки являются *идиографическими* и им свойственны индивидуалистическая концептуализация и поиск единичных утвердительных суждений. Что же касается естественных наук, то они называли их *номотетическими*, и для них характерны обобщающая концептуализация и поиск всеобщих достоверных суждений. Иными словами, естественные науки должны иметь дело с материальными объектами и процессами, социальные и гуманитарные науки – с психологическими и интеллектуальными состояниями и проявлениями. Соответственно, методом первых является объяснение, а методом вторых – понимание.

Если Дильтей различал науки о природе и науки о духе по предмету, то Виндельбандом демаркационная черта проводилась посредством метода (все науки имеют общий предмет – факты действительности, «и в этом смысле все они опытные» [23, с. 47]). Однако одни науки (естественные) интерпретируют факты через естественные законы, другие (гуманитарные) через исторические и ценностные образы.

Г. Риккерт продолжает разработку обоснования методологического своеобразия гуманитарных наук, основывая его на выявлении специфики культуры как главной предметной области идиографических наук.

Двум видам наук – естественным и наукам о культуре – соответствуют две методологии образования понятий – *генерализирующая*, если из всего многообразия объектов выбираются повторяющиеся, подчиняющиеся всеобщим законам природы, и *индивидуализирующая*, когда отбираются события и явления, являющиеся единичными и индивидуальными. Такими являются объекты и события истории, культуры, которые необходимо соотносить с ценностями в процессе их познания, основанного на понимании.

Иначе говоря, естествознание и обществознание имеют разные онтологии. Если первое осваивает объективно сущий мир, существующий «сам по себе», то второе – понятийно-логически восстанавливает мир не самотождественный, историчный, непрерывно творимый.

Приоритет индивидуализирующего метода не отменяет использования в познавательной практике гуманитарных наук и генерализирующего метода, поскольку «история, подобно естествознанию, подводит особое под «общее». Но тем не менее это не затрагивает противоположности генерализирующего метода естествознания и индивидуализирующего метода истории» [26, с. 90].

Крушение позитивизма и его идеалов научности заставило по-новому взглянуть на общественные науки. Если раньше считалось, что история и социология в своем развитии еще не доросли до теоретической стадии и только со временем по своим методам станут походять на математическое естествознание, то постепенно стала утверждаться другая точка зрения. Ее представители признавали специфику социальных и гуманитарных наук в связи с особенностью предмета их изучения и соответствующей методологии.

Сопоставляя методологические парадигмы естественных наук, с одной стороны, и социальных и гуманитарных наук, с другой стороны, важно учитывать, что они изучают разные стороны объективной реальности – природу и общество, включающее человека. Естественные науки имеют дело с реально существующими предметами, в процессе познания которых ученый должен уяснить себе и объяснить, «что это такое?» В гуманитарных науках объектом исследования всегда являются «тексты» (в широком понимании этого слова), в знаковой форме выражающие значения и смыслы.

В России данные проблемы активно разрабатывали М.М. Бахтин и А.Ф. Лосев, чей вклад в развитие философии и методологии гуманитарных наук весьма велик. Так, М.М. Бахтин отмечал, что «гуманитарные науки – это науки о человеке, о его специфике, а не о безгласной вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные науки (анатомия и физиология человека и др.)» [27, с. 311].

Если главное в гуманитарных науках – это изучение текстов, в которых излагается дух человека, то объектом гуманитарных наук является духовная реальность, духовная субстанция. Поскольку ни один текст не существует вне контекста, который исторически меняется и зависит от конкретных культурных условий. В свете этого методология социально-гуманитарных наук должна вскрывать культурно-исторические, социальные, личностные условия создания и существования «текста». Сознание, поведение, поступки людей включены в социально-культурный и исторический контекст, их невозможно понять без соотнесения с ценностями, традициями, историческими условиями, в которых они формируются и реализуются. Текст также существует в диалоге с другими текстами, интерпретируясь через них, поэтому только через столкновение и интеграцию с другими ценностями, смыслами, нормами «культура может существовать и развиваться» [28, с. 88].

Особенности концепций методологии социально-гуманитарных наук определяются научными исследовательскими программами, на основе которых они исторически развиваются.

2.3. Понятие научно-исследовательской программы. Виды научно-исследовательских программ в социально-гуманитарных науках

Первоначально концепция научно-исследовательских программ была разработана в рамках позитивистской традиции философии науки И. Лакатосом применительно к естественным наукам. В нее включались теории различных уровней, а также такие альтернативные программы, как, например, декартовская и ньютоновская метафизика.

По мнению И. Лакатоса, исследовательская программа являлась не простой совокупностью теорий; а непрерывной последовательностью существующих вместе на данный момент, возникающих и идущих друг другу вслед непрерывно теорий; имеет трехчастотную структуру, в которую включены ядро, негативная эвристика и позитивная эвристика.

Ядро или центр научно-исследовательской программы обеспечивает неизменность ее ключевых принципов; негативная эвристика ограничивает возможности фальсификации ключевых позиций программы, которые составляют ядро; позитивная эвристика способствует формированию и развитию под воздействием аномалий, вызовов и угроз новых гипотез в защитном поясе ядра программы. То есть она призвана обеспечить контролируемость процесса изменения научно-исследовательской программы с целью ее прогрессивного развития и повышения предсказательной способности [29].

Таким образом, научное познание продуктивно развивается в единстве всех трех уровней методологического знания – философско-концептуального, общенаучного и частнонаучного. В своих исследованиях И. Лакатос отмечал, что философские принципы включаются в состав ядра исследовательских программ науки. Поэтому вся наука предстает как огромная исследовательская программа, базирующаяся на «метафизических принципах».

В отечественной философии науки основательную разработку понятие «научно-исследовательская программа» получило в работах П.П. Гайденко, В.С. Степина, А.И. Ракитова и др. В качестве «единицы» методологического знания она нашла успешное применение и развитие в работах П.П. Гайденко в основном на математическом и естественнонаучном материале. Она полагает, что «научная программа должна содержать в себе не только характеристику предмета исследования, но и тесно связанную с этой характеристикой возможность разработки соответствующего метода исследования. Тем самым научная программа как бы задает самые общие предпосылки для построения научной теории, давая средство для перехода от общемировоззренческого принципа, заявленного в философской системе, к раскрытию связи явлений эмпирического мира» [30, с. 8].

В начале XXI столетия понятие «исследовательская программа» начало активно использоваться исследователями при философско-методологическом осмыслении социально-гуманитарных наук. Эта программа рассматривается ими как целостная характеристика научной деятельности (предмета, методов, предпосылок исследования), основанная на философских принципах.

Впервые концептуальное использование научно-исследовательской программы в социально-гуманитарных исследованиях осуществлено в работах В.Г. Федотовой, раскрывшей ее многомерность. Она выделила и проанализировала две исследовательские программы – *натуралистическую* и *культурицентристскую* [24].

Характеристика натурцентристской исследовательской программы

Генетически первой исследовательской программой Нового времени была *натурцентристская* программа, которая формировала идеал и нормы научности общественнознания по образцу естественных наук. Натурцентризм в методологических ориентациях общественных наук явился следствием исторически определенной социальной апелляции к природе. В качестве такого образца выступила механика, определившая *механицизм всего домарксистского материализма*. Как отмечает В.С. Степин, «наука XVIII в. стремилась построить научное знание об обществе и человеке, используя основания механического естествознания в качестве своей исследовательской программы» [31, с. 39]. Так, например, французские философы Ж. Ламетри и П. Гольбах используют понятия машины, силы для характеристики человека; О. Конт рассматривает социологию как социальную механику, а общество как особый организм.

Классическая европейская философия была ориентирована на природу и изучающие ее науки и соответственно – на *натуралистическую* исследовательскую программу. Ее представители полагали, что предмет наук об обществе тот же, что и у естественных наук, либо, что предметы различаются, но методы наук об обществе те же, что и у естественных наук (*позитивизм*).

В XIX веке появляются классификации наук, в центр которых помещаются география (Г. Бокль, Ф. Ратцель, Л.И. Мечников и др.), демография (А. Кост, М.М. Ковалевский и др.), биология (Г. Спенсер и др.), в XX веке психология (Ж. Пиаже и др.), физика (О. Нейрат, Р. Карнап и др.). Перенесение центра тяжести натурцентристской программы с одной науки на другую отражает степень зрелости естествознания, появление в нем новых лидирующих дисциплин. На основе методов этих наук формируются определенные школы в социологии: географическая, демографическая, биологически-органицистская и т.д.

Э. Дюркгейм, классик *натуралистского* подхода в социологии, определяет сущность натуралистического метода как превращение исследуемого объекта в «вещь». Методологическим идеалом политической экономии XIX столетия становится ньютоновская физика, реализованная в принципе универсализации экономической реальности (А. Смит, Д. Рикардо) и в механико-математическом моделировании (У. Джевонс, Л. Вальрас, В. Парето). В психологии естественнанаучные методы также являются «камертоном», должным задавать научный тон и определять любое отклонение от него. В. Вундт даже писал о том, что психология является более строгой эмпирической наукой, чем другие естественные науки, поскольку она не абстрагируется от субъективных опытных данных, заменяя их отвлеченными терминами, а, наоборот, сосредотачивается на их изучении.

Динамичное развитие социально-гуманитарного познания в XIX веке привело к формированию и конкуренции научно-исследовательских программ теоретического уровня.

Кризис *натурцентристской программы* в конце XIX – начале XX веков, не помешавший, между тем, ее оживлению в конце XX века, был связан с осознанием различий природы и культуры, природных объектов и социально-гуманитарных. Хотя программа в ходе истории трансформировалась, она не

сдавала своих позиций. В частности, в XX веке натурализм в методологии социальных и гуманитарных наук связан с развитием всех разновидностей позитивизма и со структурно-функциональным подходом.

Характеристика культурцентристской исследовательской программы

Ограниченность *натурцентрической* исследовательской программы начала осознаваться уже представителями немецкой классической философии (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г. Гегель), что привело к первым альтернативным попыткам диалектического рассмотрения исторической деятельности людей, обнаружения специфики социально-исторических явлений. В более зрелой форме социально-культурная исследовательская программа была разработана на основе материалистического понимания истории (К. Маркс, Ф. Энгельс). После того, как К. Маркс выявил историческую обусловленность любой общественной практики, научное знание стало рассматриваться как социальный феномен, носящий не эксклюзивный, а инклюзивный характер. К. Маркс одним из первых раскрыл воздействие социальных факторов на развитие экономической науки. Общественная жизнь рассматривалась им сначала как экономическая, а потом уже социальная, политическая и духовная. При этом раскрывается диалектика духовного и материального в историческом процессе.

Во второй половине XIX века возникла неокантианская концепция социально-гуманитарных наук. Ее представители утверждали, что существует существенное отличие исторических наук, наук о человеке и культуре от естественных наук, развивающихся в условиях доминирования когнитивных факторов. Благодаря неокантианцам в методологическом сознании был преодолен «комплекс неполноценности», которым страдали гуманитарные науки.

Сначала В. Дильтей обосновал идею о том, что предмет и методология наук о духе существенным образом отличается от того, что мы имеем в науках о природе. Следующий шаг в определении типов научного исследования сделал В. Виндельбанд, выделивший номотетические (законополагающие) науки и идеографические (индивидуализирующие) науки. Методологическое обоснование различия между науками о культуре (духе) и науками о природе дал Г. Риккерт, показавший, что ценности объективны и составляют фундамент наук о культуре. Развитие идей герменевтики также усилило особенность гуманитарной науки.

Культурцентристская исследовательская программа выбирает в качестве своего онтологического основания не природу, а культуру, выводя из нее специфические методы анализа – понимание, оценку. Культура была понята как формирование человека и общественных связей, в ходе которого меняется его собственная природа, как продукт истории и сама история. Благодаря этому была осознана историческая и социокультурная предпосылочность социальных и гуманитарных наук. В этой программе научное исследование предполагает не столько анализ социального факта как «вещи», сколько включение мнений людей, их целей и системы ценностей.

Таким образом, принципиально новая исследовательская программа, получившая название культуроцентрической, появляется в условиях, при которых найдена культура как онтологическая реальность, отличная от природы, но столь же самостоятельная и значимая. Соответственно наметился переход от ориентации обществознания на каноны наук, изучающих природу, к признанию собственных научных критериев наук о культуре и социальной сфере, самостоятельного когнитивного статуса этих наук. Культура – этот позже, чем природа, открытый объект – становится первичным в данной сфере знания и не позволяет уподобить многие явления социального мира «вещам».

Характеристика взаимодействия натурцентристской и культуроцентристской исследовательских программ

Противоречие двух исследовательских программ – натурцентристской и культуроцентристской – явилось одним из источников движения методологии научного познания. Обе эти программы являются системообразующими факторами обществознания, определяющими видение его специфики и его методов. При этом культуроцентристская исследовательская программа более многообразна в плане философских предпосылок, чем натуралистическая. Эпистемологически культуроцентристские программы отличаются от натурцентристских подходов тем, что опираются на неклассическую и постнеклассическую трактовку истины. Субъектом познания в таких концепциях чаще всего выступает общество. Многие современные исследовательские программы – например, социоцентризм и антропологизм, научный реализм и конструктивизм, структурный функционализм и символический интеракционизм, реализм и номинализм – могут рассматриваться как частные разновидности этих более общих программ (натурцентризма и культуроцентризма). Например, *постмодернистская линия в социальном и гуманитарном познании несомненно является специфическим вариантом культуроцентристской методологии.*

В таких науках как история, социология, экономическая и юридическая науки, а также в психологии, филологии, культурологи применялись обе программы.

Следует отметить отношение к натурализму представителей постмодернизма (Деррида, Делез, Гваттари и др.). Последовательно реализуя антинатуралистическую исследовательскую программу, они в то же время постулируют ненаучность исторических дисциплин. Историческая реальность начинает существовать только в интерпретациях и благодаря им.

Главную роль в историческом познании постмодернисты отводят текстам, поскольку считают их единственно конкретной реальностью, с которой имеет дело исследователь. Сам же процесс исторического познания постмодернисты рассматривают как диалог между текстами. В ходе его возникает мир дискурса, в котором конструируется историческая реальность.

Особое методологическое значение приобретает доминирующая исследовательская программа в качестве критерия разделения наук на социальные и гуманитарные. Опираясь на нее как на методологическое средство, В.Г. Федотова утверждает, что «к социальным наукам следует отнести те, которые используют натуралистическую программу с присущей ей моделью объяс-

нения, разделением субъект-объектных отношений. Гуманитарными науками будут называться те, которые применяют культур-центристскую исследовательскую программу с характерным для нее устранением субъект-объектного противостояния и использованием понимающей методологии» [24]. В зависимости от того, что оказывается на переднем плане и становится предметом исследования (закономерности общественного развития или смыслы, ценности и «субъектность» самого объекта) один и тот же объект может стать предметом исследовательского внимания как гуманитарной, так и социальной науки.

Для современных социально-гуманитарных наук характерен плюрализм исследовательских программ, который способствует развитию как методологического знания, так и самих наук. Вместе с тем намечается тенденция к интеграции исследовательских программ как на уровне философских оснований, так и на уровне различных когнитивных научных проектов, детерминированных метафизическим пониманием предмета, методов и задач социально-гуманитарных наук.

2.4. Концепции философии социально-гуманитарных наук

В современной философии науки сегодня наряду с позитивистской концепцией к основным концепциям философии науки и социально-гуманитарных наук относят неокантианскую, феноменологическую, герменевтическую, диалектико-материалистическую, прагматистскую и постмодернистскую.

Позитивизм, возникший в XIX веке, призывал философию отказаться от метафизических абстракций и, преобразовавшись в духе требований естественных наук, направить исследовательский потенциал на изучение позитивного научного материала, поддающегося проверке эмпирическими или логико-математическими средствами.

По утверждению позитивизма науки не нуждаются в стоящей над ними метафизической философии, а должны опираться сами на себя. Им нет необходимости искать причины явлений и отвечать на вопрос «почему?», а достаточно лишь описывать, «как» протекают явления. Новая философия должна раскрывать связи между отдельными науками, систематизировать частные знания, познавать общие закономерности, создавать систему научного знания, разрабатывать общенаучные методы познания.

В конце XIX – начале XX веков не только философы, но и многие представители социально-гуманитарного знания выступили против использования естественнонаучных методов познания в общественных науках, осознавая их недостатки при изучении человека, общества и культуры. В качестве альтернативного способа они выдвинули новый способ исследования, который заимствовали из неокантианства и герменевтики. Прежде всего методологический кризис позитивистской концепции науки вызвал к жизни неокантианское обоснование социальных и гуманитарных наук.

Позитивистская концепция является первой концепцией философии науки и философии социально-гуманитарных наук.

Ранее, в параграфе, посвященном вопросу становления социально-гуманитарных наук, рассмотрены основные положения методологически значимых для их предметного и методологического самоопределения концепции (неокантианство и герменевтика). Обратимся к ним дополнительно.

Именно в *неокантианстве* была предпринята попытка исследовать особенности методологии социально-гуманитарных наук. Оно возникло во время кризиса классической науки в последней трети XIX как новая концепция философии социальных и гуманитарных наук. В неокантианской концепции произошло осознание качественного различия между естествознанием и социально-гуманитарными науками. В. Виндельбандом и Г. Риккертом было обращено внимание на то, что науки различаются не только по предметности, но и по методологии, необходимой для исследований предметной сферы. Для философии науки это имело радикальные последствия:

1) в ней сформировались *философия естествознания* и *философия социальных и гуманитарных наук*.

2) в самом неокантианстве сформировались *две философские школы*, получившие свое название от имени университетских центров, где работали их представители.

Речь идет о *Марбургской философской школе*, представители которой ориентировались на математику и логику мышления, в чем они сближались с неопозитивистами, и о *Баденской философской школе*, представители которой опирались на психологические характеристики мышления и познавательной деятельности.

Тем не менее, представители обеих школ рассматривают познание не как отражение действительности, а как деятельность по конструированию предмета познания. Источником научного знания является не структура сознания познающего человека, а логическая структура науки (философия исследует логические основы точных наук, логика исследует только правильность, закономерность и необходимость знания, но не истинность).

Также неокантианцы впервые заявляют о том, что содержание науки не определяется ни эмпирическими наблюдениями, ни концепцией, возникшей на основе их обобщения. Единственно возможный способ познания – подходить к предметному миру с уже готовой теорией.

Поскольку задачей исследователя является преобразовать «хаос» (характеристика не познанного материала) в «порядок», который определяется структурой познавательного процесса, то познание субъективно, из чего не следует, что оно индивидуально. Необходима выработка концепции познания, которая повысит субъективно-трансцендентальные возможности познания, в частности – способность противостоять искажениям результатов познания.

Так, В. Виндельбанд и Г. Риккерт (баденская школа) исходили из того, что до начала исследований субъект вправе приписывать предметному материалу долженствование быть познанным. Более того, познаны должны быть не отдельные явления предметной реальности, но внешний мир вообще. Мир

предстает перед исследователем не как набор «вещей в себе» (категория гносеологии И. Канта), непостижимых, но хотя бы упорядоченных и отделенных друг от друга, а как полная неразбериха, в которой следует навести порядок. Этот порядок может быть установлен только потому, что исследователь априорно снабжен представлением о некоторых стандартах смыслополагания – то есть подходит к предметному миру с уже готовой теорией). Они решаются модернизировать исходную схему разделения наук о природе и наук о культуре, обосновывая метод номотетический, генерализирующий – устанавливающий законы – для наук о природе и метод идиографический, индивидуализирующий – описывающий – особенное для наук о культуре. В основе идиографического метода лежат понятия ценности и нормы, произвольно кем-либо, например, исследователем или историческим персонажем, устанавливаемые; в основе номотетики – закон. Ценность не может быть принципом объяснения, а закон – принципом оценки.

В раннем неокантианстве отделение генерализирующего от индивидуализирующего проявляется наиболее жестко и становится основой для классификации наук. Например, история – это индивидуализирующая и оценочная наука, социология – оценочная и обобщающая, математика – обобщающая и безоценочная, а геология – безоценочная, но индивидуализирующая.

Г. Риккерт указывал, что предмет гуманитарных наук – культура как совокупность ценностей, связанных между собой, которая предстает как культура индивидуализированная, соотношенная с ценностями. Познать ее можно на основе письменных (исторических) источников, текстов, материальных остатков культуры прошлого (способ познания через взаимодействие с учетом фактора «исторической дистанции» с указанными источниками является весьма сложным, составляющим суть идиографической методологии, описывающей особенности существенных культурно-исторических фактов).

Разработка идиографической – индивидуализирующей – методологии неокантианцами стала основой для последующего формирования в социально-гуманитарных науках (в социологии, истории, например) пласта специализированных качественных методологий, направленных на раскрытие «микроуровневых» явлений общества, культуры, непосредственной жизни социальных групп и отдельных индивидов «изнутри», через выявление особенностей мышления, ценностных ориентаций, образа жизни как сфер для конструирования социальной реальности. Ведущими методами становятся микроисторический, антропологическая историография, этнографический, история жизни, биографический и другие, получившие широкое распространение в социально-гуманитарных науках.

В современном гуманитарном познании понимание исторического источника и текста как носителя информации о ментальности прошлого цивилизаций для конструирования их будущего усиливает восприятие «*текста*», который выступает как *особая реальность, отображающая событийную и ценностно-смысловую систему и структуру жизни*. Понятие текста является центральным «методологическим подходом» для осуществления семантического анализа в современной герменевтике.

Герменевтическая концепция философии науки и социально-гуманитарных наук сформировалась в конце XIX – первой половине XX веков, также на этапе кризиса позитивизма и классического рационализма.

Ее представители считали, что *односторонность позитивистского и неокантианского исследования науки заключается в признании самодостаточности науки*. Критерием же философского рассмотрения науки является выход за пределы самой науки: *установить возможности науки и выявить пределы этих возможностей, оставаясь внутри самой науки, невозможно. Для этого необходимо наличие «контекста» ее существования*.

Как указывалось ранее, по мысли В. Дильтея, все гуманитарные науки имеют дело с пониманием человеческой мысли, культуры и истории как объективированных форм выражения человеческого духа, мыслей и чувств людей, их целей и мотивов поведения индивидов. Для понимания действий последних и результатов их духовной деятельности необходимо предварительно интерпретировать их мысли и намерения и только после этого понять (раскрыть смысл деятельности человека).

Жизненные явления, факты, источники, которые являются «продуктами» многообразной деятельности людей неотделимы от нарративов¹ и кейсов (ситуаций, случаев). Они являются отражением индивидуальных модусов бытия социального, преломления, предметного воплощения и трансформации социальных норм и ценностей в индивидуальных и социальных практиках. Из них конструируется социально-историческая реальность, следуя от «жизни» к идеалу, теории. В свете этого текст (нарратив) представляется особой реальностью и единицей гуманитарного анализа.

Следуя традиции Ф. Шлейермахера, предтечи современной герменевтики, тексты можно рассматривать как памятники событий, от которых исследователя отделяет большая временная, историческая, культурная, языковая дистанция (его необходимо толковать в соответствии с содержанием первоисточника и его контекстом).

Историческая реальность является интеграцией ментальной, когнитивной, языковой реальности. В свете этого исторические источники никогда не могут быть объективно-истинным описанием исторических событий, так как являются продуктом творчества конкретного исследователя, отталкивающегося от господствующей картины мира и индивидуального мышления и ценностей. *Субъективной является и интерпретация источников исследователем, их изучающим, так как намерение автора и результат – интерпретация текста читателем – никогда не совпадают. Читатель неизбежно входит в авторский текст, привносит в него себя [32].*

¹ *Нарратив как источник социально-гуманитарного познания – это не просто некое повествование о различных событиях, это субъективированный, индивидуализированный образ социальной реальности и ее фрагментов (событий, фактов, ценностей), сформированный личностью с учетом специфики ее жизненных ситуаций (освещение истории общества через призму истории жизни человека, семьи).*

Таким образом, цель интерпретатора – понимать и знать текст и обстоятельства его создания (контекст) лучше, чем сам автор (на это указывал Ф. Шлейермахер). Впоследствии «Дильтей, Гадамер и многие другие истолковывали это следующим образом. Автор, погруженный в свое время, что-то в нем воспринимает бессознательно, следовательно, что-то ему не вполне ясно. Исследователь, да еще отдаленный от времени автора, лучше осознает и язык текста, и сопутствующие тексту обстоятельства ... Поэтому он может знать больше, чем автор» [14, с. 147].

Герменевтическое направление в социальных науках (Апель, Р. Бубнер и др.) опирается сегодня на трансцендентально-философское учение о познавательных интересах и на «антропологию познания» (Апель). В соответствии с ними выделяются два типа априорных структур, определяющих соответственно познавательные интересы и типы познания: 1) телесное а priori, выявляющееся в деятельности телесных органов, и 2) а priori сознания, проявляющееся, прежде всего, в языковой деятельности. Обе структуры формируют пространственно-темпоральную, когнитивную и ценностную реальность, в которую погружены деятельность и мышление.

Герменевтика обращается к неким внешним по отношению к движению научного знания условиям, которые вместе с тем предваряют и влияют на его ход. Х.-Г. Гадамер отмечает, «феномен понимания и правильного истолкования понятого явления является не только специальной методологической проблемой наук о духе. С давних пор существовала также и юридическая герменевтика, которая не столько носила научно-теоретический характер, сколько соответствовала и способствовала практическим действиям. Таким образом, уже по самому происхождению проблема герменевтики выходит за рамки, полагаемые понятием о методе, как оно сложилось в современной науке. Понимание и истолкование текстов является не только научной задачей, но очевидным образом относится ко всей совокупности человеческого опыта в целом» [33, с. 35].

С этой точки зрения, герменевтика является достаточно синкретичным феноменом, стремящимся интегрировать важнейшие философские тенденции современности, сочетать методологические и гносеологические принципы, почерпнутые из самых разных источников. Так и историко-культурный контекст, эстетическое сознание, искусство. «В опыте искусства мы имеем дело с истинами, решительно возвышающимися над сферой методического познания, то же самое можно утверждать о науках о духе, в которых историческое предание во всех ее формах хотя и становится предметом исследования, однако вместе с тем само обретает голос в своей истине. Опыт исторической традиции существенно возвышается над тем, что в ней может быть исследовано» [33, с. 37]. В свете этого герменевтически понятая практика расширяет узкий горизонт инструментально-технологического применения науки, так как «герменевтические штудии стремятся к тому, чтобы, исходя из опыта искусства и исторического предания, показать весь герменевтический феномен в его целостностном значении» [33, с. 37].

Важно отметить, что герменевтическая философия науки является универсальной. Это связано с различиями в объектах и методах естественных и социальных наук. Процесс познания в социально-гуманитарных науках испытывает значительно более существенное и непосредственное влияние ценностно-смысловых взглядов, которые разделяет субъект научного познания в этих науках, нежели в естествознании и математических науках.

Феноменологическая концепция науки – это одно из направлений в философии науки, созданное в первые десятилетия XX века математиком и философом Э. Гуссерлем. Он стремился понять, как отвечают базовым ценностям европейской истории науки те изменения, которые происходят в современной ему науке, находящейся в кризисном состоянии.

Поиск сущности науки для Э. Гуссерля – это поиск ее смысла, который можно обнаружить, только погружая науку в «жизненный мир» – подлинную среду ее существования. Ориентация на жизненный мир обуславливает и понимание предмета наук о духе, который составляют «люди как личности, их личностная жизнь и деятельность и, собственно, ее продукты» [34, с. 626]. Жизнь определяется им как культуротворческая жизнь, погруженная в конкретную историческую реальность, как единство культурного и исторического.

Рассматривая значение философии для науки, Гуссерль отмечал, что без философской деятельности в принципе невозможно построение научных теорий. Это связано с тем, что рефлексия философа органично вписывается в материю научных теорий, придавая осмысленность предмету научного исследования и его методу во всех сферах познания (естественных науках и науках о духе). Исследование осуществляется, по его мнению, через призму субъект-объектных отношений и с выяснением различных форм субъектности.

При этом Э. Гуссерль не приемлет позицию объективизма в виде натурализма и историцизма, ориентированных на разного рода конкретику и факты. Для философии, по Гуссерлю, характерен смысл, и поэтому феноменология науки противопоставляет смыслы фактам, а научности законов природы – понимание мира как продукта духа.

Э. Гуссерль подчеркивает «величие естественно-математических наук, обнаруживших безусловные законы, указывает, что результаты развития этих наук, начиная с Нового времени, ознаменовали подлинную революцию в техническом господстве над природой. Однако совсем иной – причем по внутренним основаниям – является «методологическая» ситуация в науке о духе» [23, с. 53]. Гуманитарные науки должны изучать духовную жизнь людей, ценности, не отрываясь при этом от их телесности (рассматривать телесные основания духа – *понимающая психология*), опираясь, в частности, на естественные науки. При этом Гуссерль указывает на принципиальные отличия принципов естественных наук и наук о духе. Он отмечает, что не надо «наукам о духе подражать то геометрическому, то физическому методу», гнаться «за естественными науками и видеть в экспериментальной работе главное дело». Следовать естественнонаучным образцам – значит «натурализировать» сознание, что недопустимо для социально-гуманитарных областей познания.

Главная проблема наук о духе в том, что «объективной науки о духе, объективного учения о душе – объективного в том смысле, что оно считает души и сообщества личностей существующими внутри пространственно-временных форм, – никогда не будет» [34, с. 662]. В указанном смысле это не возможно, так как дух существует независимо от пространственного и темпорального измерения. Наука о духе должна направить усилия на «подлинную, добытую в духовном мирозерцании рациональность». Именно отсутствие истинной рациональности – источник правильного понимания людьми своего существования. Рациональное познание духа было невозможно в условиях сенсуализма и психологизма, понимающих сознание человека как «чистую доску». Односторонность и натурализм понимания духа может быть преодолен только за счет *трансцендентальной феноменологии* как метода познания, который состоит в следующем: «философствующий начинает с собственного Я, понимаемого как производитель всех смысловых значений, по отношению к которым он становится чисто теоретическим наблюдателем. В этой установке возможно построение абсолютно независимой науки о духе в форме последовательного самопонимания и понимания мира как продукта духа» [34, с. 664]. Феноменология меняет векторы познания и направляет его на систематическое познание духа (от индивидуального духа до общего духа).

Гуссерль критикует сциентические формы «точного научного изложения», которое не позволяет получить все многообразие познаний, не ограниченных символизмом, математизацией и аппаратом умозаключений.

Постмодернизм – понятие, применявшееся в 60-70-е годы XX века в теории литературы и архитектуры, а затем (особенно после появления работы Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерна», вошедшее в систему философских понятий. Это понятие обозначает новый образ мысли и деятельности, проявившийся в XX веке во всех областях человеческой культуры. Лиотар определил постмодернизм как «недоверие в отношении метарассказов», таких как «диалектика Духа, герменевтика смысла, эмансипация разумного субъекта или трудящегося, рост богатства» [35, с. 160].

Критика классической науки была связана, в первую очередь, с критикой модернистских, просвещенческих мировоззренческих установок, с завершением модернизационных процессов и формированием культуры постмодерна. В постмодернистском видении, эпистемологическим ядром которого стал французский постструктурализм, задача человеческого разума отнюдь не сводится к реконструкции существующего в мире порядка. Познание рассматривается как конструирование, интерпретация мира. А поскольку мир для человека существует лишь в интерпретациях, которых может быть множество, то объект познания неотделим от субъекта познания.

Представляется, что культура постмодерна, с ее ярко выраженным креативным началом, является неким важным смысловым контекстом, в окружении которого развивается неклассическая наука. Концептуальный каркас которой неотделим от принципов *полипарадигмальности, теоретической гетерогенности и методологического плюрализма*.

Постмодернисты (Ф. Лиотар, Ю. Кристева и др.) представляют бытие современной культуры, как «насквозь» во всех своих проявлениях и ответвлениях пронизанное различного рода текстами и дискурсами, опутанное сверхсложной и глобальной сетью когнитивных коммуникаций. *Именно к современной культуре в наибольшей степени применима характеристика постмодернистов: культура – это текст, поскольку уже почти невозможно различить текст как репрезентацию явлений культуры от самой культуры.* Исследовательскими подходами, относящимися к постмодернизму, являются текстовый анализ, номадология, генеалогия, симуляция и другие.

Любой текст, в том числе и научный, всегда опирается на большой массив бессознательно принятого автором текста неявного знания – *интуитивной информации*, являясь частью более обширного целого – некоторого контекста, границы которого уже нельзя определить полностью и однозначно. В этом отношении, утверждают постмодернистские философы науки (В. Велын, Ф. Джеймисон и др.), наука качественно ничем не отличается от других видов дискурса: мифологии, художественной литературы, философии. Везде – принципиальная многозначность, недоговоренность, открытость для новой интерпретации. Различие лишь в степени этих характеристик, их количестве, но отнюдь не в их присутствии или отсутствии.

Главная установка постмодернистского анализа языка и законов его функционирования (оттолкнувшаяся от постструктурализма) – *эпистемологический антифундаментализм*. По этому поводу А.В. Кезин отмечает, что «радикальное сомнение в состоятельности фундаментализма становится возможным на базе гуманитарно-научного идеала. Однако ранние выразители этого идеала (Дильтей, Риккерт) не были столь радикальными. Гораздо более существенной по своим последствиям для судьбы фундаменталистской парадигмы оказалась имманентная критика физического идеала и прежде всего кризис логического позитивизма ... Антифундаменталистская тенденция просматривается в истолковании всех важнейших областей научного познания: математического, естественнонаучного, гуманитарного. Она является выражением отхода от классических представлений. Критика фундаментализма имеет большое значение в аксиологическом аспекте. Объективно она ведет к понижению статуса обоснования как норматива научности» [36, с. 24]. В контексте антифундаментализма установкой философии постмодернизма является *постметафизическое мышление*, означающее отказ от универсальных философских систем, *логоцентризма* – стремления приписать всему упорядоченную и логическую форму. Видение реальности, характерное для постмодернизма, обозначается как *постмодернистская чувствительность*, ощущение мира как хаоса.

В свете этого постмодернизм признает равноправие множества сосуществующих картин мира, провозглашает «закат метарассказов». *Метарассказ* (метанарратив) – это повествование о мире, легитимирующее определенный образ мышления, знания, социальные институты (рассматривается как относящийся к идеалам фундаментализма).

Например, применительно к исторической реальности и соответствующим ей источникам постмодернизм использует широкий спектр методологических приемов. Утверждается, что под внешней целостностью исторической материи скрывается противоречивый набор фрагментов. Искусственный поиск универсальных начал и общего знаменателя, уравнивающего все противоречия, усиливает противоречивый характер истории. Для преодоления данной проблемы необходимо концентрировать внимание на различиях национальных моделях исторических процессов, что в свою очередь обуславливает утрату целостного понимания мира и его фрагментацию, как главный вызов постмодернизма.

Постмодернизм не представляет собой философскую школу или направление. Нередко философы, называемые «постмодернистами», скептически относятся к этому названию.

Одной из наиболее универсальных концепций философии науки и философия социально-гуманитарных наук является *диалектическая концепция*. Она исходит из идеи единства и вместе с тем качественного разнообразия различных областей науки, видов научного знания и методов научного познания. Это разнообразие может достигать состояния диалектического противоречия между различными уровнями, единицами и типами научного знания. Все различия не только внутри науки, но и между научным и вненаучным знанием имеют относительный, условный, социально-конструктивный и исторический характер.

Это в полной мере относится и к различию между наукой и философией, между научным и философским знанием, граница между которыми и исторически, и функционально также подвижна и изменчива. Внутреннее единство философии и науки обусловлено их общей причастностью к рациональному познанию и его идеалам. Взаимодействие философии и науки является необходимым условием успешного развития их обеих, оно обусловлено единством сознания и культуры как более широких систем, в которые и философия, и наука входят лишь в качестве подсистем.

Одной из главных проблем диалектической философии науки является исследование механизма и форм реального взаимодействия философии и конкретных наук. Результатом этого взаимодействия является формирование в фундаментальных научных теориях их философских оснований, а также многочисленных и разнообразных по содержанию философских проблем различных наук. Исследование этих оснований и проблем составляет существенную часть предмета современной философии науки.

Согласно диалектической концепции, структура современной философии науки в целом изоморфна общей структуре философского знания. Ее образуют такие разделы, как онтология науки, гносеология науки, социология науки, праксеология науки, культурология науки, антропология науки, аксиология науки.

Важным основанием структурирования современной философии науки является также специфика философской рефлексии, обусловленная качественным различием содержания различных областей научного знания. В соответствии с этим в структуре философии науки выделяют философию естествознания, философию социальных и гуманитарных наук, философию математики и логики, философию технических и технологических наук.

Однако в философии науки имеются и сквозные проблемы, относящиеся ко всем ее разделам. К ним относятся, прежде всего, проблемы природы науки, специфики научного знания, структуры и закономерностей развития науки и научного знания и др.

Рассматривая соотношение естественных и социальных наук, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали специфические особенности наук об обществе. Из марксистского обществознания, господствовавшего в течение семи десятилетий в нашей стране, выделились и получили развитие социальные науки, такие как экономическая наука, социология, юридическая наука и другие, а также гуманитарные науки – философия, история, филология и другие.

Диалектическая философия науки была господствующей в отечественной философии науки в XX веке, сознательно «оппозиционируя» себя различным вариантам трансцендентализма и позитивизма в понимании природы философии и науки, а также их взаимоотношениям.

С позиций диалектического понимания философия, *во-первых*, является лишь одним из факторов развития науки, *во-вторых*, действующим на науку избирательно (в основном, на теоретическом уровне научного познания), и, *в-третьих*, интенсивно влияющим на развитие науки только в период научных революций, в период глубокого кризиса ее фундамента и смены парадигмальных теорий (например, трансценденталистская теория, утверждает зависимости научного знания от «истинной философии»).

Таким образом, здесь приведены наиболее влиятельные концепции философии науки и философии социально-гуманитарных наук. Они разнообразны, но вместе с тем можно выделить ряд проблем, которые пока не преодолены:

1) до сих пор не преодолена тотальная позитивизация философии науки вообще и философии социально-гуманитарных наук, в частности;

2) большая часть концепций философии социально-гуманитарных наук парциальны, то есть не стремятся учитывать все аспекты бытия науки, а исследуют один или несколько аспектов.

Парциальности концепций философии социально-гуманитарных наук как показателю обособленности противостоит принцип целостности. В этих условиях интегративная роль и значение философии социально-гуманитарных наук в перспективе будет возрастать в связи с ростом значения науки в решении глобальных духовных и практико-технологических проблем человечества. При этом использование интегративного подхода будет способствовать целостному философскому рассмотрению науки и перспектив ее развития.

Таким образом, эволюция подходов к осмыслению концепций философии науки во многом воспроизводит эволюцию понимания сути науки с философских позиций в различные культурно-исторические эпохи. История философии социально-гуманитарных наук показывает, что движение ее основных концепций от плюрализма к интегративизму усиливается в силу осознания недостаточности одностороннего осмысления социально-гуманитарных наук с позиций какой-либо одной философской концепции. Этому способствует и современный социокультурный контекст развития философии социально-гуманитарных наук.

2.5. Объект и структура социально-гуманитарных наук

В предыдущих параграфах уже обосновывалось своеобразие социально-гуманитарного научного познания по сравнению с естественнонаучным. В частности, обращалось внимание на вклад Дильтея и представителей баденской школы неокантианства в осознание предметности и методологии социально-гуманитарных наук.

Вместе с тем необходимо обратить внимание, что все науки, независимо от специфики и классификации, имеют множество фундаментальных общих оснований. Все они опираются на систему фактов, осуществляют на их основе обобщения, стремятся выявить законы и причины изучаемых явлений, конструируют идеализированные объекты и модели, генерируют гипотезы, которые либо становятся частью научных теорий, либо опровергаются.

Естественные науки и социально-гуманитарные науки являются частями науки в целом, что предполагает и общее и различное между ними. Эти различия обусловлены тем, что разные науки обращены к различным сторонам реального мира и оперируют в соответствии с этим специфическими для их предметов познавательными средствами.

Какова же типологизация наук в зависимости от их предметного поля?

Традиционно *объектом естественных наук является природная реальность* во всем ее многообразии, различные аспекты существования и функционирования природы становятся предметами конкретных естественных наук (например, физика изучает материю, химия – элементную структуру материи, биология – различные формы «жизни» природы и т.д.); *объектом технических наук является искусственно переработанная природная реальность или техническая реальность*.

В широком смысле *объектом социальных наук является социальная реальность* (общество); объектом гуманитарных наук является духовная реальность, культура через призму антропологического измерения.

Предмет социально-гуманитарного познания *«сфера человеческой деятельности в многообразных ее формах»* [23, с. 62]. В.А. Лекторский отмечает, что в отличие от природной реальности социальная реальность не существует вне человеческого фактора, его многообразной деятельности, в контексте которой она воспроизводится [37, с. 48]. М.М. Бахтин указывает, что «гуманитарные науки – науки о человеке», который создает «тексты» и включен в различные контексты [27, с. 311].

Для естественного и технического знания важной характеристикой является истинность получаемых и конструируемых знаний.

Однако в сфере социальных и гуманитарных наук, в связи с присутствием субъективных интересов индивидов и социальных групп и общностей, являющихся и объектами, и субъектами социально-гуманитарного познания, категория «истинности» не вполне применима, поскольку она приобретает субъективно-оценочный подтекст. Здесь уместнее использовать категорию «достоверности».

В философской и научной литературе имеется несколько точек зрения по поводу классификации социальных и гуманитарных наук.

Согласно общей классификации научного знания система наук об обществе называется социально-гуманитарными науками. Их в свою очередь можно разделить (в соответствии со спецификой объекта исследования) на: 1) социальные науки; 2) гуманитарные науки (например, к социальным наукам относятся экономические, юридические, социологические, политические науки, а также социальная психология, социология права и т.п. К гуманитарным относятся философские, исторические, филологические, психологические науки.

В частности, можно отметить, что социальные науки изучают социальные закономерности, структуру общества, а гуманитарные исследуют духовный, ценностный человеческий мир человека.

В соответствии с особенностями методологии к социальным наукам относятся те, в которых используется преимущественно обобщающие методы, направленные на объяснение явлений (монологическая модель), а к гуманитарным наукам те, в которых базовым методологическим средством является понимание (диалогическая модель).

Вместе с тем общедисциплинарной является классификация, основанием которой выступает предмет исследования. С этой точки зрения можно выделить следующие группы социально-гуманитарных наук:

- исторические науки (история, археология, этнография, историография и др.);
- экономические науки (экономическая теория, экономика и управление народным хозяйством, бухгалтерский учет, статистика и др.);
- философские науки (история философии, логика, гносеология, философская антропология, этика, эстетика и др.);
- филологические науки (литературоведение, языкознание, журналистика и др.);
- юридические науки (история правовых учений, правоведение, всеобщая история права и государства, международное право, конституционное право, уголовное право, гражданское право, административное право, криминология, юридическая антропология и др.);
- педагогические науки (общая педагогика, история педагогики и образования, теория и методика обучения и воспитания и др.);
- психологические науки (общая психология, психология личности, социальная и политическая психология и др.);
- социологические науки (теория, методология и история социологии, экономическая социология и демография и др.);
- политические науки (теория политики, история и методология политической науки, политическая конфликтология, политические технологии и др.);
- культурология (теория и история культуры, музееведение и др.).

Необходимо обратить внимание на то, что существует определенная условность подобной классификации. Это обусловлено тем, что в настоящее время усиливаются междисциплинарно-интегративные тенденции как между

разными областями познания (естественными, социально-гуманитарными, техническими науками, философией), так и внутри самих этих направлений. Это проявляется в том, что почти любая проблема социально-гуманитарных наук решается посредством привлечения методов не одной, а нескольких социально-гуманитарных наук, и не путем обособления в своей сфере, а посредством анализа ее места в обществе в целом. Также для решения познавательных проблем в конкретных областях познания привлекаются междисциплинарно-интегративные методологические феномены (например, философско-антропологическая методология, синергетический и системный подходы), а также методы других направлений познания (методы социально-гуманитарных наук для решения познавательных и когнитивных задач естественных наук и наоборот).

Оформление каждой из социальных и гуманитарных наук в качестве относительно самостоятельных дисциплин не препятствует их эффективному междисциплинарному взаимодействию. Таково, например, взаимодействие истории с социальной психологией, политологией; юриспруденции с индивидуальной и социальной психологией.

Современное развитие социально-гуманитарных наук, в силу многогранности исследуемых ими объектов, лежит в плоскости междисциплинарности и интегративности. Также необходимо обратить внимание на исторический процесс складывания междисциплинарных образований, таких как философия права, философия истории, социальная философия, предметность и дисциплинарный статус которых остаются дискуссионными и сегодня.

Важным вопросом является определение особенностей социально-гуманитарного познания:

1) поскольку конкретная история индивидуализирована, социокультурные процессы и явления нельзя изучать в «чистом виде» или условиях социального экспериментирования;

2) в структуру и содержание объекта социально-гуманитарного познания с необходимостью входит субъект познания. Поэтому объективация предмета познания оказывается неполной и сопряжена с большими методологическими трудностями. Эти трудности весьма велики, в условиях глобального общественного и духовного производства антропологический фактор является всеобщим, глубоко затрагивающим и преобразующим объективную природную реальность, многие процессы которой, в частности, экологические, климатические трансформируются в соответствии с субъективным сценарием развития общества, что позволяет говорить о субъективных факторах функционирования уже и природы. Объекты, производные от социальной реальности – общество, право, государство – субъективны по своей сути изначально;

3) исследование объекта осуществляется в социально-гуманитарном знании с ценностных позиций, поскольку субъект познания, будучи сам частью социальной системы, оказывается нагруженным идеологическими предпосылками, предрассудками, некритически воспринятыми установками, ценностно-смысловыми ориентациями, различными другими формами контекстуального фона.

Выделенные характеристики вместе с тем обусловлены главным методологическим фактором, выделяемым с периода самостоятельного становления и методологического самоопределения социально-гуманитарных наук – решающей ролью ценностей в социально-гуманитарном познании и особенностями взаимодействия объекта и предмета социально-гуманитарных наук. *Здесь субъект представлен дважды: как познающий субъект (индивид, научное сообщество или общество) и как часть объекта познания, ибо в обществе действует наделенный разумом и волей человек, конструирующий культуру и социальную реальность во всем их многообразии. Поэтому это не столько субъект-объектные отношения, сколько ценностно и этически нагруженные субъект-субъектные отношения, так как «тут люди и авторы, и исполнители своей собственной драмы, которую они же и познают»* [23, с. 67].

Включенность субъекта в объект познания обуславливает сложные переплетения объективного и субъективного, стихийного и сознательного, рационального и иррационального, материального и духовного, обыденного, событийного и идеального – теоретически и художественно возвышенного. Здесь ставятся многообразные цели, возводятся и рушатся идеалы, меняются эталоны поведения и практик, формы мышления приобретают многообразные метаморфозы, так как каждый новый этап жизни со своим новым типом пространственного, темпорального, смыслового и нормативного восприятия (сегодняшняя нормативно-ценностная система характеризуется инверсией и «разрушением всех прежних договоренностей» – что подтверждает конвенциональность социальных норм) сосуществует с традицией, приобретая синкретичные черты.

Также, анализируя историю социально-гуманитарных наук, следует иметь в виду постоянное влияние, которое оказывалось на этот комплекс знания от естественных наук. Так, в XVI–XVII веках, когда познавательным идеалом научности выступает механика как дедуктивно построенная математическая система, обществоведение строится по этому образцу («Этика, доказанная в геометрическом порядке» Спинозы; «Человек-машина» Ламетри). С выдвиганием на передний план в качестве перспективных наук квантовой механики, теории относительности и синергетики образцом для обществоведения становится физика. Примером подражания может служить работа Я. Морено «Социометрия», в которой он попытался вслед за физиками, вторгшимися в природный атом, обнаружить и описать «социальный атом», посредством анализа микроуровня социальных отношений в малых группах. Позднее в качестве образца начинает выступать биология, и социальные системы рассматриваются как органические (таков подход к цивилизациям А. Тойнби, к культурным суперсистемам П. Сорокина). Сегодня осязаемое воздействие на обществоведов оказывает синергетика, возникшая в области естествознания и пересаженная на почву социально-гуманитарных наук, за счет чего человек, общество, право, государство, политика, экономика, их институты и практики – сложные саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы.

Однако история показывает, что необходим взвешенный подход к экстраполяции естественнонаучных принципов и методов на социальные реалии и ценности жизни человека и общества.

Вопросы для самоконтроля

1. Как соотносятся философия науки и философия социально-гуманитарных наук?
2. В чем причина «незаврешенности» философии социально-гуманитарных наук?
3. В каком ракурсе изучает философия науки социально-гуманитарные науки?
4. Какова структура философии социально-гуманитарных наук?
5. Каковы функции философии социально-гуманитарных наук?
6. К какому культурно-историческому периоду относится становление социально-гуманитарных наук и каковы предпосылки (социокультурные факторы) этого процесса?
7. Что означает понятие «синкретизм» и как оно соотносится с вопросом о становлении социально-гуманитарных наук?
8. На критерии и принципы научности каких наук изначально ориентировались социально-гуманитарные науки?
9. Какие философские школы впервые сформулировали задачи и основания разделения социально-гуманитарных и естественных наук?
10. По каким основаниям философские школы, решавшие вопрос самоопределения социально-гуманитарного познания, проводили демаркацию между науками о природе и науками о духе? Как они это обосновывали?
11. Что означает понятие «научно-исследовательская программа» и какова ее структура?
12. Какие научно-исследовательские программы выделяются в социально-гуманитарных науках, каковы их принципы?
13. Каково историческое влияние естествознания (натурализма) на гуманитарные науки?
14. Выделите ключевые основания и принципы концепций философии социально-гуманитарных наук (позитивизм, неокантианство, герменевтика, постмодернизм, диалектика). Сравните их.
15. Каковы критерии типологизации наук?
16. Каковы объектно-предметные области основных разновидностей наук?
17. Какова специфика социально-гуманитарного познания?
18. Как соотносятся субъект и объект в социально-гуманитарных науках, какова роль ценностей в этом соотношении?
19. Какова дисциплинарная структура социально-гуманитарных наук?

РАЗДЕЛ 3.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

В условиях современной глобализации юридическая наука вступает в новую фазу своего развития, которая предполагает разработку принципиально новых методологических оснований. Проблемы методологии юридической науки становятся более острыми в контексте трансформации классической науки в неклассическую и постнеклассическую, связанной с изменением типов научной рациональности. Изменение концепций истины (классические принципы истины научного познания в системе социально-гуманитарных наук замещаются прагматическими и коммуникативными), релятивизация критериев научности, усиливающаяся зависимости научной деятельности от социокультурного контекста – проблемы, с которыми сталкивается современная эпистемология науки.

3.1. Понятие, структура и предметность юридических наук

Рассмотрение системы юридических наук необходимо начать с определения понятия «юридическая наука». В отечественной теории сложилась традиция *отождествления понятия «юридическая наука» с понятием «юриспруденция»*.

Вместе с тем, как и наука в целом, юридическая наука в общем смысле представляет собой деятельность по выработке юридических знаний в области государства и права. Юриспруденция же помимо совокупности юридических наук включает в себя многообразную юридическую деятельность, юридическую технику, систему подготовки кадров.

Юриспруденция и юридическая наука – близкие по смыслу и содержанию понятия. Поэтому во многих случаях эти понятия употребляются в качестве синонимов. Однако при более внимательном подходе к их анализу очевидно, что они все же различаются. Юриспруденция, в первую очередь, представляет собой область создания и использования правовых (юридических) средств, способствующих оптимизации управления общественными процессами. Она подразумевает обладание знаниями о государстве и праве и использование их в процессе правотворческой деятельности. Юридическая же наука – это деятельность по производству, систематизации, совершенствованию и актуализации этих знаний [38].

Несмотря на эти различия юриспруденция и юридическая наука связаны и интегрированы, но не тождественны. Логически они соотносятся как род (*юриспруденция*) и вид (*юридическая наука*). *Юриспруденция как род деятель-*

ности включает в себя и юридические знания, и юридическую деятельность, а *юридическая наука* как *вид знания* включает в себя государствоведение и правоведение.

! Таким образом, **юридическая наука** – деятельность, направленная на производство знаний о праве как особой системе социальных норм, отдельных отраслях права, функционировании государства и политической системы общества в целом.

Юриспруденция: 1) вся совокупность юридических наук; 2) практическая деятельность, определяющая параметры правотворчества и правоприменения на основе актуальных теоретических положений юридической науки.

Юридическая наука является не только концептуально важной для определения параметров общественных отношений и их регулирования познавательной системой, но и значимым социальным институтом, осуществляющим выработку проекта гражданского общества и правового государства, а также системы юридических средств для его практической реализации с учетом социальных изменений в условиях современной глобализации. Например, в современной государствоведческой теории обосновываются многообразные, часто антагонистические прогнозы относительно будущего современного государства: рассуждая о его возможных дальнейших метаморфозах, исследователи все чаще говорят о «разрыве государствообразующей связи» (П. Бирнбаум), «закасте национального государства» (М. Абелес), прогнозируется размывание государственных границ и суверенитета, отмирание национального государства как такового, путем его упразднения или слияния, замена законов государственного управления «невидимой рукой» (Ю. Хабермас). Это интенсифицирует необходимость «нового витка» познания государства как образа и понятия, через факторы, конструирующие их. Здесь важным становится выбор концепции методологии юридических наук, на основе которой в системе юридического познания будет решаться данная теоретическая и практическая задача.

Анализируя современные методологические проблемы юридической науки, отечественные и зарубежные исследователи фиксируют слабо выраженный переход от классической установки к постклассической, где ведущей становится многовекторная междисциплинарная социально-гуманитарная методология герменевтико-феноменологического и постмодернистского плана. В частности, выделяются и конкретизируются следующие проблемы причины методологического кризиса юридического познания:

- всеобщий мировоззренческий кризис, возникший в эпоху постмодернизма, вызванный отсутствием ответов на его вызовы;
- догматизм юридической науки, в первую очередь – отраслевых юридических наук;
- сведение оснований теории отраслевых юридических наук к законодательству, без учета вопросов правоприменения;

– сложное положение теории права в условиях перехода от неклассики к постклассике;

– проблема предмета юриспруденции: должен ли он изучать неюридические объекты, явления, процессы;

– проблема плюрализма типов правопонимания.

В структуре юридического познания, как и в науке в целом, в социально-гуманитарных науках, в частности, выделяют эмпирический и теоретический уровни знания, которые взаимосвязаны между собой.

Так, И.Л. Честнов, рассматривая структуру юридической науки и ее функции, выделяет уровни юридического знания: верхний «метауровень» или философию права, который представляет собой философские основания юридической науки, средний уровень – теорию права и нижний уровень – эмпирический.

Он отмечает, что наиболее проблематичным является дисциплинарное и содержательное определение философии права. Так, «в современной юридической литературе не прекращается спор по поводу того, что же такое философия права – составная часть философии (ибо она не может не исследовать такой феномен, как право), самостоятельная научная дисциплина или часть (уровень) теории права» [7, с. 199].

Уровни юридической науки

• **метауровень (философские и мировоззренческие основания юридической науки);**

• **юридические теории среднего уровня (специально-юридическая теория, общая позитивная теория);**

• **эмпирический уровень юридической науки (правовые явления: поведение, подчиненное праву, проявления права в сознании, авторитетные тексты, правовые источники).**

Проблема предметности юридической науки

В современной философии и методологии науки признак предметности выступает важнейшим показателем научного знания, критерием и характеристикой, отличающей его от других способов освоения мира – художественного, философского, мифологического, религиозного, мистического, личностно-психологического и др. Предметно-объектный тип познания, исследующий принципиально объектный тип бытия и выраженный соответствующим образом в предмете – наиболее значимое свойство всякой научной дисциплины и, соответственно, научно-правового исследования.

Объект науки – часть объективной реальности, он внеположен субъекту познания и не зависит от его знаний, намерений (в юридических науках – право, правовая реальность).

Предмет науки – это не сама по себе объективная реальность, а восприятие, описание, объяснение, понимание субъектом выделяемой стороны объекта.

Предмет юридической науки (как и науки в целом) – это та сторона объекта, который попадает в поле зрения субъекта познания в силу определенных обстоятельств (т.е. определяется и субъектом, и объектом).

В науке предметом юридического знания обозначают то, что изучает та или иная дисциплина. Различие между объектом правовой реальности, объектом той или иной отрасли юридической науки и предметом этой же отрасли науки связано «со степенью включенности объективной действительности в рефлексивное (познавательное) отношение субъект-объект» [39, с. 21]. Объект в качестве компонента объективной реальности, существующей вне и независимо от сознания исследователя, будучи включенным в познавательное отношение, трансформируется в объект конкретной отрасли юридической науки. В таком виде он выражает абстрактный образ действительности, причем с позиции данной науки. Предмет же науки – это познанная, ставшая известной, конкретизированная сторона объекта науки [40, с. 39].

Отношение к различению объекта и предмета науки в юридической литературе получило развитие с разной степенью детализации и последовательности. Отчетливо фиксирует свои основания в исследовании соответствующей проблематики В.С. Нерсесянц. По его мнению, «объект – это то, что еще подлежит научному изучению с помощью познавательных средств и приемов соответствующей науки. В процессе научного изучения исходные эмпирические знания об объекте дополняются теоретическими знаниями, т.е. системой понятий об основных сущностных свойствах, признаках и характеристиках исследуемого объекта, о закономерностях его генезиса, функционирования и развития. Научное (теоретическое) познание тем самым представляет собой творческий процесс глубинного постижения изучаемого объекта в мышлении, в создании его мысленного образа (модели) в виде определенной системы понятий о сущностных свойствах данного объекта. Эти сущностные свойства объекта (в их понятийном выражении) и являются предметом соответствующей науки» [41, с. 58].

Размышления В.М. Сырых по поводу соотношения предмета и объекта привели его к пониманию предмета общей теории государства и права как «систем[ы] общих закономерностей права как тотального целого, а также социологических, экономических, политических и иных закономерностей, которые влияют на действие и развитие права, его закономерностей, и систему закономерностей познания предмета данной науки» [42, с. 93]. Предметом же «общей теории права и иных отраслей правоведения», по мнению автора, выступают «право, правовая политика, а также социально-политическая и иная (неюридическая) практика в той части, в какой она обуславливает формирование и развитие правовых явлений и процессов» [42, с. 93].

Для организации дальнейших рассуждений относительно отождествления или различения объекта и предмета юридической науки проблему целесообразно упростить до предельных оснований и представить как две точки зрения на вопрос. Тогда суть первой из них будет состоять в том, что предмет науки права рассматривается в «объектном отношении», т.е. как «объективная реальность» существует вне научного знания и не зависит от оснований и методов научного исследования. С такой точки зрения научное познание мыслится как непосредственное отношение объекта и исследователя, в котором и формируется знание об объекте. Поэтому предмет правоведения здесь предстает как сама,

данная в созерцании, реальность права («правовые явления»), его имманентные свойства, закономерности возникновения, развития и функционирования.

Нетрудно заметить, что такая позиция представляет собой реализацию натуралистической гносеологической модели, господствовавшей до XIX века классической научной рациональности, которой «свойственна тенденция к так называемой «философии тождества», тождества мышления и бытия» [43, с. 23]. В этом смысле правовая наука, относясь к своему предмету как находящимся вне юридического знания правовым явлениям, объективным закономерностям права, должна рассматривать представления о правовой реальности как тождественные этой реальности.

В таком понимании объект юридической науки «существует», а предмет формируется в процессе познавательной деятельности правоведов, в зависимости от возможности трактовки предмета науки как части объективной реальности (законы объективной реальности). Получаемое в исследовании знание следует рассматривать, абстрагируясь от условий и средств его продуцирования, полагая, что объект исследования устроен так же, как наши знания о нем. С данной натуралистической точки зрения, основания для различения объекта и предмета науки и смыслы такого различения отсутствуют. Если в правоведении такая схема рассуждений сохраняется и сегодня как актуальная, то в отраслевых науках – как доминирующая. Несомненные плюсы данного подхода, с позиций позитивной юриспруденции, состоят в соответствии юридического исследования идеалу объективности, естественном обеспечении согласованности научного знания, устранении противоречий между различными его областями в силу познания законов самого объекта, что соответствует как постулатам господствовавшей у нас версии материализма, так и традиционным представлениям о природе права [44, с. 12].

Для противоположной позиции требование различать объект как познаваемую реальность и предмет науки, создаваемый определенными исследовательскими средствами как теоретическая модель этой реальности, является принципиальным. С данной точки зрения, предмет – «это реальность, созданная самой наукой, существующая лишь постольку, поскольку есть знания об объекте» [45, с. 124]. Обосновывая необходимость различения объекта и предмета общей теории права, В.А. Козлов отмечает, что «каждый сложный объект имеет сущности разного порядка, характеризующие его со всех сторон, многообразные связи и отношения, и каждая наука исследует свою собственную сущность, что и делает ее относительно самостоятельной. Поэтому один и тот же объект изучается различными науками, каждая из которых фиксирует в своей системе знаний специфический предмет. Однако объективная ориентация, трактовка предмета как системы объективных законов приводит к отвлечению от деятельности познающего субъекта и отождествлению законов науки и законов реальной действительности» [46, с. 27]. В таком понимании объект юридической науки «существует», а предмет формируется в процессе познавательной деятельности правоведов, в зависимости от тех или иных мировоззренческих представлений, гносеологических установок и исследовательских средств.

От принятия одной из этих двух точек зрения напрямую зависят трактовки объекта и предмета знания, понимание конкретных проблем правоведения, подходы к их решению. В частности, точное следование первой, по мнению Н.Н. Тарасова, требует абстрагирования от условий, целей и средств научного познания права, что не только минимизирует возможности критики оснований полученного знания и заставляет принимать «на веру» его предметную репрезентативность, но и фактически снимает вопрос о самостоятельности методологических исследований в рамках юридической науки. Для второй же точки зрения исследовательские средства находятся в зависимости от гносеологических установок, характера социокультурной ситуации и/или могут создаваться, в том числе, путем методологического конструирования, а значит – целевые методологические исследования и разработки являются условием построения развернутого предмета правоведения и, следовательно, обеспечения наиболее полного познания права [47, с. 139].

Поскольку научное исследование права, правовых явлений осуществляется определенными, присущими юриспруденции средствами и методами, оценить адекватность теоретических конструкций правовой реальности (и, следовательно, истинность юридического знания) возможно постольку, поскольку характер и особенности применяемых методов исследования предьявляются в процессе описания и объяснения исследуемых объектов. Это означает, в том числе, что в данной установке философские методологические разработки уже не могут приниматься «по умолчанию» и рассматриваться как достаточное условие для научной обоснованности правовых теорий, а методология должна рассматриваться как фундаментальная область юридической науки.

Таким образом, прослеживая путь развития юридической теории, можно наглядно убедиться, как и каким образом на протяжении последних десятилетий происходило расширение ее границ, обогащение научного содержания через обращение к неюридическим предметностям, обосновываемое как углубленное исследование права и всех его аспектов. Если отказаться от натурализации механизма правового регулирования и рассматривать его как теоретическую модель правового регулирования, то психологический, социологический и «информационный» механизмы также должны интерпретироваться как модели правового регулирования. В этом смысле допустимо говорить о модельной «представленности» в предмете правовой науки формально-юридической, психологической, социологической и информационной «сторон» правового регулирования. Все это способствует всестороннему познанию права, однако остается вопрос о соотношении данных сторон правового регулирования.

При этом такие разносторонние исследования рассматриваются, в том числе, и как условие истинности теоретического знания о праве. Показательно в этом плане следующее высказывание Л.С. Явича, по мнению которого «само по себе утверждение многогранности, разноуровневости, сложности права имеет принципиальное методологическое значение. Оно дает возможность исследовать право в разных направлениях и на этой основе глубже осмысливать его сущность, свойственные ему закономерности социального бытия, достовернее

выявлять его общественную значимость и ценность, правильнее определять его потенциальные возможности и точнее найти его реальное место в жизни людей». Так как «принципиально-методологическое значение признания права сложным социально-юридическим феноменом заключается ... в том, что оно обеспечивает творческий характер его исследования, освобождает дальнейшее познание права от элементов догматизма и начетничества, узкопрагматического толкования задач юридической науки, конъюнктурщины и схоластики, нацеливает на фундаментальное изучение правовой действительности» [48, с. 13–14].

В современной юридической литературе считается, что «односторонние» знания об объекте приводят к его качественно новому теоретическому осмыслению только при условии их синтеза в единой теоретической схеме, в рамках концепции. В отечественном правоведении таким примером является объединение разноплановых представлений о праве категорией «правовая система». В рассматриваемом же примере социологические, психологические, формально-юридические представления о правовом регулировании интерпретируются как «рядоположенные», объединяемые только отношением к объекту исследования. Такое положение дел не только допустимо, но и весьма распространено в науке. Однако эвристический «прорыв» предполагает создание теоретической конструкции, обеспечивающей синтез разноплановых знаний об объекте, т.е. – исследований и разработок в пространстве предмета науки. Для анализируемой ситуации такой теоретической конструкции разработать, судя по всему, не удалось.

Различение объекта и предмета юридической науки позволяет осуществить еще одну интерпретацию механизма правового регулирования как частной научной теории. Вне различения объекта и предмета научной теории механизм правового регулирования получает преимущественно позитивно-юридические интерпретации, как описание структуры процесса правового регулирования общественных отношений. Отсюда восприятие механизма правового регулирования как некоторой юридической реальности долгое время доминировало в нашей теории государства и права.

В то же время, взгляд на недавнюю историю отечественной науки права с позиций различения объекта и предмета правоведения отчетливо показывает, что механизм правового регулирования сыграл (и играет) в ней и методологическую роль. Более того, с этих позиций именно методологическое значение конструкции механизма правового регулирования может считаться первостепенным. Однако его роль как теоретического описания и в качестве методологической конструкции стала оцениваться отечественной наукой не так давно. Хотя сегодня уже можно довольно уверенно утверждать, что российское правоведение восприняло механизм правового регулирования не только как понятие теории права, как объяснительный принцип правового воздействия на общественные отношения, но и в качестве методологической конструкции, во многом определившей характер юридических исследований, в том числе – в отраслевых науках.

Что касается общей теории права, то здесь механизм правового регулирования напрямую выступил в качестве методологической схемы. И если теоретики не уделяли должного внимания обсуждению такой роли механизма право-

вого регулирования, то это можно объяснить как раз отсутствием в отечественном правоведении последовательного различения объекта и предмета юридической науки. Об этом же свидетельствуют и распространенные в 60-70-х годах XX века возражения против введения понятия «механизм правового регулирования» на том основании, что в советской теории права уже существовала категория, охватывающая фактически тот же круг юридических явлений – правовая надстройка общества. Однако понятие «правовая надстройка общества», являясь категорией исторического материализма, в принципе не могла «задавать» конструкцию предмета научной теории. Тогда как механизм правового регулирования, являющийся не идеальным объектом философского характера, а идеализирующей теоретической абстракцией, редуцирующей правовое регулирование до структурно-функциональных представлений, стал «несущей конструкцией» научного предмета теории права. Причем, независимо от осознания данного факта правоведами, начавшееся теоретическое осмысление правовой действительности через категорию и структуру механизма правового регулирования стало заметно корректировать предмет теории права, его организацию.

Таким образом, различение объекта и предмета юридической науки не просто уточняет гносеологические характеристики познания права и государства. Оно позволяет обеспечивать его в соответствии с современными требованиями научного исследования и «создает пространство» существования методологии правоведения как самостоятельного направления развития юридической мысли.

Юридическая наука, как и любая наука, функционирует в рамках некоторой социальной картины мира как претендующей на истинность системы представлений о его устройстве. В процессе исторического развития возникают определенные философские традиции, находящиеся в достаточно сложных отношениях и оказывающие влияние на все сферы жизни общества. Однако в каждый конкретный период истории одна из таких социально-философских традиций приобретает большее, иногда господствующее, влияние на общественное сознание, что делает приоритетной соответствующие представления о мире. В системе таких сходных представлений существует и наука. Обращаясь к познанию законов мира, наука с помощью своих познавательных средств «выделяет» в данной картине мира некоторый фрагмент (объект науки), в процессе исследования которого и формируется теоретическая модель данного фрагмента реальности – предмет науки. При этом в числе исследовательских средств важная роль придается фундаментальным понятиям науки. Вместе с тем, предмет науки как определенный «срез» объекта исследования получает фиксацию в основных понятиях конкретной науки. С этих позиций одной из сущностных характеристик юридической науки может рассматриваться развитие юридических понятий, становление и эволюция которых непосредственно связана с формированием объекта и предмета правоведения.

Особый интерес представляет мнение И.Л. Честнова, который считает, что «объектом юридической науки выступает право как социальное явление, или правовая реальность, т.е. люди, конструирующие господствующие сегодня социальные представления о праве, включая знаковое их воплощение в законо-

дательстве и других формах нормативности права, их реализацию в юридически значимых практиках» [49]. Соответственно, «предмет юриспруденции (как науки) – это та сторона или момент объекта, который попадает в поле зрения субъекта познания в силу обстоятельств» ... [где] предмет науки, вообще, и юриспруденции, в частности, определяется как объектом (в нашем случае – спецификой правовой реальности), так и субъектом (факторами, с субъектом связанными)» [49]. Наряду с этой точкой зрения по рассматриваемому вопросу имеются и другие. В частности, некоторые юристы считают, что в качестве объекта юридической науки выступает государственно-правовая реальность.

Таким образом, необходимость различения объекта и предмета правового изучения, четкого описания их параметров остается актуальной. В этом случае при прочтении итогов юридического исследования не возникнет сомнений, что оно осуществлено автором, который действительно понимает специфику труда, именуемого научным познанием. Содержание объекта и предмета юридической науки представлено на рисунке 1.

Рисунок 1. Предметность юридической науки

3.2. Классические и постклассические философские основания юридических наук

Юридическое научное познание является особой сферой духовно-творческой деятельности, в рамках которой осуществляется выработка новых знаний о правовой действительности.

В современной юридической науке можно выделить следующие характерные черты:

– важнейшей задачей юридической науки является познание закономерностей государственно-правовой жизни общества;

– в пределах юридической науки осуществляется теоретико-прикладное освоение государства и права;

– юридическая наука выступает как система объективных, достоверных знаний о государстве и праве. Знания о государстве и праве основываются на достижениях других общественных наук, а также проверяются практикой [50, с. 30]. Таким образом, юридическая наука предназначена для описания, объяснения и конструирования государственно-правовой реальности [51, с. 11].

В философской и юридической научной литературе среди основных методологических принципов научного познания выделяют принципы объективности, познаваемости, комплексности познания, исторического и социокультурного подходов и др. При этом принципы историчности и культурной обусловленности рассматриваются как необходимые современные гносеологические и эпистемологические основания научного исследования.

В Новое время происходит подготовленное многовековой историей интеллектуальной деятельности рождение научной рациональности и отделение ее от иных типов рационализма – философского и практического. Как результат, переход от классической картины мира к неклассической и постнеклассической связан с изменением типов научной рациональности [52].

Обсуждение вопросов об объеме понятия «юридическая наука», ее социальных функций и методах познания ведется в контексте рациональности, то есть служения юридическим теориям и законам задачам развития социального «капитала» общества.

С этой точки зрения, одной из эпистемологических проблем современной юридической науки становится признание связи социокультурных оснований юридической науки и ее рационального инструментария. Признание ценностной природы права и государства в новой исследовательской парадигме повлекло ряд изменений в стандартах научности и методологических основаниях юридических наук.

Возможность разнообразных ответов на поставленные теоретико-правовые и практические вопросы с очевидностью свидетельствует о том, что стандарты научности не универсальны и не исчерпываются требованиями логической непротиворечивости, эмпирической верифицируемости знания, но имеют в числе прочего определенные вненаучные – мировоззренческие – основания [53, с. 28].

Каждому историческому типу научной рациональности соответствуют выдающиеся достижения теоретической правовой мысли:

– эпоха классического рационализма – это школа естественного права;

– эпоха позитивизма – социология права, психологическое учение о праве, нормативизм;

– либеральная правовая идеология выкристаллизовывается в рамках естественноправовой школы. Правопонимание, возводящее свободу индивида от государства в принцип политического (публичного) права, целесообразно

определять как либерально-индивидуалистическое. Оно образует основу западной традиции права.

Каждый из перечисленных типов рациональности может служить основанием для периодизации правовой мысли и системообразующим началом по отношению к обширному по объему материалу, накопленному юридической наукой.

Так, правоведение Нового времени развивалось под эгидой классической научной парадигмы, в котором нашли воплощение все принципы этой парадигмы, в частности – *натуроцентризм, механицизм, механистический детерминизм, методологический монизм, сциентизм, гносеологический объективизм.*

В конце XIX – начале XX столетия широкое распространение получают иррационалистические умонастроения, связанные с кризисом буржуазного общественного порядка. Теоретическую форму эти умонастроения получают в философии Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Б. Кьеркегора и др.

Критика классической науки была связана, в первую очередь, с критикой модернистских, просвещенческих мировоззренческих установок. Период формирования неклассической научной мысли связан с завершением модернизационных процессов и формированием культуры постмодерна. В постмодернистском видении, задача человеческого разума отнюдь не сводится к реконструкции некоего, существующего в мире порядка, а познание рассматривается как конструирование и/или интерпретация мира. А поскольку мир для человека существует лишь в интерпретациях, которых может быть множество, то объект познания неотделим от субъекта познания. Этим самым постмодерн утверждает идею автономии познающего разума, относительно любых – уже сложившихся – ценностно-смысловых систем, определяя его главную цель и ценность как смыслопорождающее творчество. Представляется, что культура постмодерна, с ее ярко выраженным «креативным» началом, является неким важным смысловым контекстом, в окружении которого развивается неклассическая наука. Концептуальный каркас неклассической науки можно представить как некоторый логически взаимосвязанный ряд идей и принципов. При этом ключевые принципы неклассической науки формируются как антитеза классике.

Неклассическая юридическая наука неотделима от принципов полипарадигмальности, теоретической гетерогенности и методологического плюрализма. Различные парадигмы юридической науки не только позиционируют свой особый предмет познания, но и формируют свой метод. Так, *юридическая герменевтика* определяет в качестве метода познания права метод интерпретации и понимания правовых текстов, *юридическое неокантианство* (аксиология) понимается как метод «отнесения к ценности», *юридическая феноменология* базируется на методологии феноменологической редукции, *юридический прагматизм* основывается на методе реконструкции опыта, *юридический позитивизм* опирается на методологию эмпирического исследования, *юридический натурализм* возрождает естественно-научные подходы в многообразии их вариантов, *социологическая юриспруденция* в качестве своего основания избирает структурно-функциональный метод, и, наконец, *юридический постмодернизм* выдвигает методологию деконструкции правовых тестов.

Яркое воплощение в юридической науке находит неклассический принцип *субъективированного объекта* познания и принцип *личностного знания*. Целый ряд юридических научно-исследовательских традиций (юридический прагматизм, юридический постмодернизм, социологическая юриспруденция) позиционирует идею, согласно которой «реальное» или «действующее» право включает в свое пространство значимый субъективный компонент.

Таким образом, принципы неклассической науки находят воплощение в неклассической юриспруденции. Неклассическая наука расширяет горизонты познавательной деятельности, однако и она не свободна от ряда недостатков, важнейший из которых – фрагментация представлений о праве как утрата его целостного видения. Именно стремление преодолеть эти недостатки становится стимулом развития нового постнеклассического типа науки.

Основания постнеклассического научного рационализма формируются в контексте глобализации – сложных, охватывающих различные сферы человеческой жизнедеятельности, процессов нарастающей взаимосвязанности, взаимозависимости, взаимообусловленности бытия локальных, региональных сообществ в общепланетарном масштабе. Помимо этого становление постнеклассической науки связано с достижением такой, следующей за индустриальным обществом, ступени развития цивилизации, как постиндустриальное – информационное общество.

В поисках *теоретического и методологического универсализма* **постнеклассическая научная** парадигма выдвигает *идеалы диалогизма и метапарадигмальности* научного познания. Специфической особенностью постнеклассической научной картины мира становится представление о мире как саморазвивающейся системе. Саморазвитие, обеспечиваемое таким свойством системы, как открытость, осуществляется посредством взаимодействия кооперативных и конкурентных механизмов и характеризуется принципиальной необратимостью.

Сказанное объясняется тем, что постнеклассический этап в развитии юридической науки связан с формированием такого направления юридических исследований, как юридическая синергетика. Последняя возникает в результате экстраполяции естественнонаучной синергетики в сферу юриспруденции. В то же время и в самой юриспруденции возникают определенные тенденции, связанные с постнеклассическими представлениями и принципами. Речь идет об интегративной юриспруденции. Представители интегративной юриспруденции – Д. Холл, Г.Дж. Берман, Ж.-Л. Бертель, П.Г. Виноградов, В.С. Нерсисянц, А.В. Поляков, И.Л. Честнов и др. – поставили задачу формирования «синтетического», интегративного понимания права, посредством объединения существующих концепций [50].

Этим самым постнеклассические принципы выстраивания методологического аппарата юридической науки определяют перспективные направления трансформации ее предмета и метода, выделяя ряд факторов, их определяющих. Среди основных факторов, от которых зависит определение предмета и методов юридической науки, выделяются следующие:

– осознание того, что предмет и метод юридической науки исторически изменчивы и соответствуют вызовам конкретных культурно-исторических условий;

– юридическое познание погружено в определенный культурно-цивилизационный контекст, определяющий ценностно-мотивационные принципы субъекта познания и отношение общества к юридической науке и практике;

– глобальные и региональные социально-культурные, политико-правовые, экономические процессы обуславливают формирование различных типов правопонимания;

– решение эпистемологических проблем юридических наук обусловлено уровнем развития научного знания в целом.

С учетом этого В.М. Сырых и И.Л. Честнов указывают на то, что невозможно познание предмета общей теории права без системного и целенаправленного «вторжения» в сферу неюридического. Правовое поле юридической науки составляют представления о государстве и тех процессах, в которых право проявляется: политике, экономике, демографии, социальной сфере (неюридическая реальность берется опосредованно и в необходимых объемах).

При этом выделяются методологические ориентиры постклассической юридической науки:

– критика классической теории права за ее догматичность;

– развитие саморефлексии (относительно юридической реальности, социальной обусловленности, субъективности);

– признание и обоснование многомерности права (множество модусов бытия права: норма, правопорядок, правосознание, институт, практики воспроизводства);

– интеграция сконструированности и социокультурной обусловленности правовой реальности;

– человекоцентричность, согласно которой человек выступает как творец государственно-правовой реальности, воспроизводящий ее на базе многообразия индивидуальных и общественных практик.

Таким образом, выявление и изучение исторических типов юридической науки является значимым в контексте определения ее философских оснований, методологии и эпистемологических принципов.

3.3. Методология юридических наук

Методология научного познания наравне с гносеологией, эпистемологией, онтологией составляет часть философии науки, где она выступает как учение о методах научного познания, о том, как происходит процесс научного познания и в каких формах он реализуется.

С этой целью методология научного познания разрабатывает проблематику, связанную с методами или способами познания специфичными для науки и отличающимися ее от других форм, приемов познания и постижения окружающей реальности. К последним относятся не только художественное освоение мира, но и обыденное, а также другие вненаучные формы познания [54, с. 3].

В рамках методологии научного познания различают *методы анализа* существующего научного знания и *методы получения* нового знания, которые представляют собой методы научного исследования. Именно они представляют наибольший интерес в контексте подготовки и проведения научного исследования, в частности, в области юридических наук. Данное разделение систем методов связано с моделями понимания научного знания:

- во-первых, с позиции получения нового знания (процессуальный аспект);
- во-вторых, как результата, итога процесса получения знания, как существующее знание.

Уровни методологии. В зависимости от того, какую науку (или науки) «обслуживает» методология, и какие группы методов она разрабатывает, принято различать в ее структуре частнонаучный, общенаучный и всеобщий уровни.

Частнонаучный уровень методологии, хотя и руководствуется исходными принципами, общими для всех наук, решает методологические проблемы применительно к специфике предмета и методов каждой конкретной науки. Частнонаучная методология органически входит в «конкретно-ориентированные» науки.

История развития научного знания дает множество примеров, когда метод одной науки переходит в другую (или в другие) науку. Закономерно, что при этом возникали вопросы о правомерности такого перехода, о значимости получаемой с его помощью данных, и возможностях (пределах) использования данного «заимствованного» метода. С другой стороны, существуют *методы познания*, используемые во всех науках, такие, как идеализация, формализация, индукция, дедукция, аксиоматика и другие. Такая группа «сквозных» методов разрабатывается на *общенаучном уровне методологии*.

Наконец, *всеобщий уровень методологии* включает 1) учение о диалектическом методе познания, обоснование его универсальности, применимости во всех областях науки и общественной практики, 2) разработку его принципов, включая обусловленные ими требования к мыслящему и действующему субъекту, 3) соотношение диалектического метода с другими общенаучными и частнонаучными и философскими методами и т.д.

Всеобщая методология выполняет следующие функции:

- определение направленности познания;
- определение методологической роли законов и категорий;
- построение теории методов познания;
- построение теории осознания информации;
- рассмотрение методологических вопросов наук.

Эти функции опосредуются как через общие и частные методологические системы, так и через методологическую роль («способность») мировоззрения, мировосприятия и картин мира.

Методология юридической науки – относительно самостоятельная область юриспруденции, в рамках которой рассматриваются условия и формы научного познания государственно-правовой реальности, основания, принципы и методы юридических исследований.

Методы науки, в том числе и юридической, обусловлены историческим и социокультурным контекстом. Они предопределены соответствующим в данную эпоху и в конкретной культуре мировоззрением. Так, «для античности и средневекового мировоззрения [было] свойственно целостное понимание мира. Новое время в западной культуре отличается атомистической картиной мира, за счет чего обуславливается метод индукции, индивидуалистический тип понимания. Новейшее время сохраняет атомизм как тип мировоззрения и радикализирует его в основной научно-исследовательской программе – позитивизме, прагматизме, структурализме» [7, с. 269]. Новые вызовы испытывает научная методология с конца XX столетия в ходе утверждения постмодернизма.

Понимание метода юридической науки как совокупности правил, принципов познания, определяющих рациональный путь продвижения к достоверным знаниям о предмете и объекте юридической науки, является наиболее распространенным среди отечественных исследователей [55, с. 91].

Вместе с тем есть другие точки зрения, указывающие, что:

– специфический метод юридической, правовой науки может быть представлен только ее теоретико-понятийным аппаратом, а общие и специальные (частнонаучные) методы лишь применяются учеными-юристами, но не разрабатываются ими;

– метод юридической науки составляют как правила и принципы познания, так и ее понятийный аппарат – понятия и категории.

В свете этого В.М. Сырых отмечает, что попытки включить понятийный аппарат юридической науки в ее метод являются несостоятельными, поскольку не соответствуют действительному соотношению теории и метода науки. С точки зрения авторов, сказанное объясняется тем, что метод уже сам по себе выступает в качестве понятия, категории науки, правила и принципа в конкретных отраслях научного знания.

С этих позиций метод представляет собой особый компонент юридической науки и имеет собственное содержание. Он также состоит из способов, правил и принципов познания. В процессе познания категории и понятия выполняют присущую только им теоретическую функцию.

Разработка способов, принципов, правил познания осуществляется в ходе специальных исследований, направленных на познание объективных закономерностей государственно-правовой реальности и иных юридических явлений. Складывающиеся в процессе научного исследования способы, правила и принципы впоследствии закрепляются в общих и специальных методах юридического познания, определяя их конкретное содержание.

При разработке методов юридического познания возникает необходимость решать следующие задачи:

– определять систему конкретных способов познания права, государства и других юридических феноменов;

– систематизировать методы, выясняя их гносеологическую природу и сферу применения;

– конкретизировать общие и специальные приемы и способы соответственно специфике предмета познания и разрабатывать частноправовые методы.

Разработка, трансформация и совершенствование общих и специальных методов применительно к предметной области юридических наук является **обязательным условием** целеориентированного, специализированного познания государственно-правовой реальности, результаты которого представляют теоретическую и практическую ценность. В процессе усложнения и динамики юридических феноменов необходимым условием становится развитие и адаптация к их специфике уже имеющихся в наличии эпистемологических и методологических моделей, которые позволят обеспечивать соответствие их онтологического и гносеологического аспектов. Речь идет о совмещении на уровне теории государства и права образа и понятия.

Юридические правила и принципы познания, применяемые на какой-либо стадии научного познания для решения познавательной задачи, требуют применения отдельного конкретного метода. Так, правила, используемые в процессе толкования норм права, в своей системе образуют метод толкования норм права; правила, регламентирующие процесс получения обобщенных знаний из единичных фактов – индукцию [55, с. 96].

Таким образом, метод является необходимым компонентом юридической науки, общей теории права, представляющим собой органически целостную, сложную систему правил, приемов, способов и принципов как инструментов, используемых для познания предмета данной науки, раскрытия закономерностей функционирования права, государства, юридических феноменов во всей их полноте и всесторонности [42, с. 365].

Структура методологии юридической науки является многоуровневой, включающей различные по степени общности и познавательным задачам приемы:

1) всеобщие, философские методы, используемые всеми науками на всех стадиях и этапах научного познания – материалистический, диалектический, метафизический, герменевтический, философско-антропологический и др. Данные методы формируются в ходе становления и развития концепций научного познания, имеющих междисциплинарное значение, соответствующее потребностям и возможностям научного познания в конкретных культурно-исторических условиях;

2) общенаучные методы, используемые во всех или в большей части наук. Однако сфера применения данных методов ограничивается решением конкретных познавательных задач. В зависимости от характера используемых способов и типов (мыслительных или практических) операций, предусмотренных методом, в структуре общенаучных методов выделяют:

– логико-теоретические методы (анализ, синтез, абстрагирование, индукция, дедукция, идеализация и другие);

– логико-эмпирические (сравнение, наблюдение, опрос (все разновидности) и другие);

– теоретико-эмпирические (мысленный эксперимент (разновидность эксперимента как части методологии социально-гуманитарных наук), моделирование, прогнозирование, экстраполяция, системный, синергетический и др.;

3) специальные методы юридической, правовой науки, в систему которых входят познавательные способы, средства, которые были разработаны предста-

вителями неюридических наук и использованы для познания политико-правовых и государственно-правовых явлений (статистические, математические, социологические, исторические, психологические методы);

4) частные методы юридических наук, разработанные в контексте юридического познания государственно-правовой реальности и юридических феноменов, могут применяться только в пределах юридической науки (сравнительно-правовой метод, социально-правовой эксперимент, формально-юридический (догматический), приемы толкования права и др.). Так, В.М. Сырых отдельно выделяет два метода: 1) метод восхождения от абстрактного к конкретному; 2) метод восхождения от конкретного к абстрактному.

С этой точки зрения, частнонаучные методы представляют собой основные средства, способы, принципы получения теоретической и эмпирической информации о юридических явлениях, феноменах, применяемые в одной или нескольких смежных юридических науках.

Вопрос о понятии и системе частнонаучных методов в юридической науке по-прежнему остается дискуссионным. Прежде всего, это связано со сложностью разработки и выявления познавательных приемов, значение которых ограничивалось бы только правовой сферой. Вместе с тем все методы, используемые в контексте познания юридических явлений, входят в методологические основания других социально-гуманитарных наук, отчего некоторые исследователи считают, что в число частноюридических методов входят и некоторые специальные (например, эмпирико-социологические), а также общенаучные методы (например, экспериментальные методики, наблюдение).

Многообразие методов юридического познания можно свести к философским, общим приемам, специальным и частноюридическим методам. Система данных методов образует методологию юридической науки.

Как отмечают ряд исследователей, классическая европейская юриспруденция (не путать с юридической наукой) – с момента своего зарождения, вплоть до XVII века – пользовалась, в основном, методами формальной логики и разработкой собственных методов познания не занималась. С середины XVII века внимание юриспруденции было сосредоточено на методах философского осмысления права в контексте теоретического и методологического укрепления философии права, с чего и начинается формирование юридической науки.

Только в XX столетии методологические исследования укрепляются как относительно самостоятельная область юридической науки [56, с. 22]. Объектом методологических исследований становится *не государство и право*, а собственно, *юридическая деятельность по производству, систематизации и совершенствованию* объективного, достоверного, теоретически и эмпирически проверяемого *знания о государстве и праве*.

Методология изучает саму науку о государстве и праве, результатом методологических исследований становится знание способов, особенностей, закономерностей, принципов научного познания государственно-правовой реальности. В системе юридического познания сформировался ряд исторически и гно-

сеологически обусловленных подходов к исследованию государственно-правовых явлений, оформившихся как «самостоятельные методологии» [56, с. 23]:

– теологическая (изучение природы государства и права с точки зрения догматических вероучительных принципов и божественного промысла);

– естественно-правовая (сущность государства и права рассматривается с точек зрения их нравственно-деонтологической оценки и критики, поиска неюридических предельных оснований права, которые в юридической науке и философии права нового времени выделялись в контексте естественных прав и свобод человека, восходящих к его природе. В рамках данного подхода заложена традиция различения естественного и позитивного права);

– позитивистская (рассматривает государство и право с эмпирических, легистских позиций в качестве самостоятельных феноменов, не связанных с социокультурными факторами, культурно-исторической спецификой. В центре внимания – система позитивного права);

– историко-правовая (природа права рассматривается с точки зрения исторической и культурно-цивилизационной обусловленности);

– марксистская (классовый подход к исследованию государства и права);

– психологическая (природа права изучается с точки зрения мотивации, поведения, психо-эмоциональных состояний и переживаний людей);

– антропологическая (природа государства и права, многообразие модулей их бытия рассматриваются сквозь призму многомерной, культурно, социально, биологически, исторически обусловленной деятельности людей по их созданию, развитию, воспроизводству);

– синергетическая (изучение государства и права как саморазвивающихся, открытых, нелинейных (допускающих вариативные, альтернативные формы развития и бытия) систем);

– постмодернистская (коммуникативно-дискурсивная, семиотическая, поликонтекстуальная система объяснения природы права и государства, принципов их познания);

– интегративная (развитие интегративных исследований в современной юридической науке, в частности – правоведении, обеспечивающих единство базовых концептуальных положений юридической теории (переход от узкоправового к интегративному правопониманию). Особое внимание обращается на специфику выделяемых типов, методологических оснований интеграции в классической и неклассической юриспруденции и этапность ее осуществления – сращивание, дополнение, теоретический синтез.

Выделенные разновидности методологий юридических наук связаны, в частности, с теориями происхождения государства и права. *В качестве основного процесса, определяющего философско-методологические основания юридических наук, как отмечалось ранее, следует рассматривать переход к постнеклассике, от методологического монизма к философско-методологическому плюрализму, а впоследствии – к постановке вопроса об интегративной методологии юридической науки и интегративном правопонимании.*

В данном контексте сложным является вопрос обоснования частнонаучных методов юридической науки.

Частнонаучные (частные) методы современного юридического познания – это средства изучения государственно-правовой реальности, действующие в рамках одной или нескольких близких юридических наук.

Как отмечалось выше, проблематика определения и систематизации частнонаучных методов юридических наук продолжает оставаться дискуссионной. По мнению некоторых авторов, *сложнорешаемым является даже вопрос отнесения к ним таких, традиционно применяемых в юридической науке методов, как сравнительно-правовой, формально-логический метод толкования норм права* [42, с. 367]. Это связано с тем, что каждый из данных приемов, по сути, представляет собой разновидность общих логических приемов. Как пример, в основе сравнительно-правового метода лежат общенаучные логико-эмпирические процедуры сравнения, а формально-логический метод основывается на законах, принципах, методах формальной логики.

Ряд исследователей относят данные методы к общенаучным, указывая, что превращение формально-логических методов, методов сравнения, эксперимента в частнонаучные методы юридических наук только на основе их применения к анализу правовой материи не является обоснованным. Так как к этой же «материи» применяются математические, статистические, социологические, исторические, философские методы.

Вместе с тем, учитывая тот факт, что методология социально-гуманитарных наук в целом носит синтетический характер, критерием отделения частнонаучных методов от специальных и общенаучных является не только и не столько их использование для 1) познания государственно-правовой реальности и 2) исследования юридического материала, сколько степень адаптации («ассимиляции») методов к специфике юридических исследований. Например, «формально-логический метод толкования норм права и анализа юридических текстов справедливо считается частноправовым, несмотря на то, что в его основе лежат общие, логические и специальные грамматические методы. В ходе многовековой практики толкования права эти методы были творчески дополнены, развиты специфическими правилами познания и в том виде, в котором они существуют в настоящее время, могут применяться только в юридических науках» [42, с. 367].

Моделирование, кибернетические, синергетические и иные специальные методы в свете новизны мировоззренческих и методологических проблем юридической науки пока не настолько интегрированы, применительно к изучению правового материала, чтобы войти в систему частнонаучных средств познания.

В контексте данного положения методологически важным вопросом является дифференциация методов, в соответствии с уровнями познания юридической науки.

Так, в структуре юридической науки выделяются следующие уровни:

- метауровень (философско-методологические и мировоззренческие основания юридической науки);
- юридические теории среднего уровня (специально-юридическая теория, общая позитивная теория);

– эмпирический уровень юридической науки (правовые явления: поведение, подчиненное праву, проявления права в сознании, авторитетные тексты, правовые источники. Элементы эмпирического уровня выделены по В.А. Четвернину).

В свете сказанного следует различать методы теоретического и эмпирического познания предмета юридических наук. Причем необходимо отметить, что указанная типологизация относится как к частным, так и специальным и общим методам, используемым в системе юридического познания.

Теоретический анализ предметной области юридических наук базируется на эмпирическом изучении государственно-правой реальности, правовой жизни и социальной практики. На этой стадии решаются вопросы сбора и интерпретации эмпирических фактов (правовых явлений). С этой целью применяются разнообразные общие, специальные, частноюридические приемы и способы научного познания:

1) методы толкования права (раскрывают содержание, смысл, контекст создания правовых норм; субъективные признаки, выраженные в нормативном правовом акте);

2) методы эмпирического социологического исследования. Они представляют собой сложную разветвленную систему методов, методик, алгоритмов (качественных и количественных) – социологический эксперимент, наблюдение, опрос, анализ документов.

На основе конкретно-социологических методов сформированы традиционные методики конкретного юридического исследования [7, с. 3]:

– метод социально-правового эксперимента как способ эмпирической проверки научных гипотез, проекта юридического решения или законопроекта;

– качественный и количественный (контент-анализ) анализ статистических и архивных данных, официальных сообщений и документов, материалов судебной и арбитражной практики;

– наблюдение, опросы (интервьюирование, анкетирование, тестирование, собеседование), направленные на выявление особенностей правовой культуры, правового сознания, правового менталитета, правовых ценностей, мотивации правового поведения, обеспечения обратной связи между государственными структурами и гражданским обществом.

В последние пять лет значимость социологических методов в контексте юридических исследований актуализировалась также в свете создания института социального аудита деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов и расширения квалиметрических практик:

– социально-психологические методы – разновидность прикладных социологических методов, модифицированных для изучения особенностей правового сознания, мышления, поведения людей;

– статистический метод, который основывается на количественном анализе данных, объективно отражающих на эмпирическом уровне проявления государственно-правовой реальности, правовых явлений (методы одномерной,

двумерной, многомерной статистики). Количественный статистический анализ завершает теоретическая интерпретация данных.

Теоретическое знание начинается там, где эмпирические методы полностью себя исчерпали. Обнаружив новые явления и факты, они не смогли раскрыть их структуру, внешнюю обусловленность, связи, динамические характеристики [55, с. 102].

В контексте теоретической интерпретации и концептуализации осуществляется не просто обобщение эмпирических данных, а выстраиваются динамические, аналитические, структурные модели исследуемых феноменов, расширяется метатеоретический и мировоззренческий уровни юридической науки.

На теоретическом уровне юридических исследований применяются:

– синергетический метод, который направлен на изучение саморазвивающихся и саморегулирующих систем в структуре государственно-правовой реальности (общественных организаций и объединений правоохранительной направленности, институтов гражданского общества и других);

– в современной гносеологической системе теория государства и права также рассматриваются как саморазвивающиеся системы.

Так, В.М. Сырых относит к теоретическим частноюридическим методам способы восхождения от абстрактного к конкретному и способы восхождения от конкретного к абстрактному. В контексте данных процедур обосновываются, интерпретируются, соотносятся с практическим эмпирическим уровнем основные описательные, абстрактные понятия, например, такие как «дееспособность», «правоспособность», «субъект права», «правовое сознание», «правовая культура» и другие, уточняется логический смысл юридических понятий, суждений, умозаключений. Данные методы носят диалектический характер [55, с. 102].

Формально-юридический (догматический) метод основан на различных классификациях, формулировании юридических понятий и категорий, установлении приемов толкования норм права. Он предполагает исследование догмы права, которая означает нормы действующего законодательства, рассматриваемые изолированно, и эффективен при изучении нормативных сторон правовых систем (законов и других нормативных правовых актов).

Сравнительно-правовой метод (компаративистика) заключается в сопоставлении различных государственных и правовых систем в институциональном, историческом, культурно-цивилизационном и других измерениях. Его разновидностью является историко-сравнительный метод.

Метод моделирования позволяет изучать государственно-правовые явления, институты, процессы на их моделях (воспроизведение объекта исследования через систему его существенных характеристик).

Таким образом, частнонаучные методы юридической науки, наравне с общими и специальными, сообразно уровням, стадиям, этапам познания, на которых они применяются, делятся на:

1) методы сбора эмпирических данных (методы толкования права, конкретно-социологические и конкретно-юридические (например, правовой эксперимент), социально-психологические, статистические и другие);

2) методы обобщения (сравнительно-правовой, формально-юридический, индукция, дедукция, анализ, синтез);

3) методы системных исследований (восхождение от абстрактного к конкретному и от конкретного к абстрактному, системный подход, синергетический, моделирование и другие).

3.4. Современные концепции методологии юридических наук

Современная постклассическая методология *отличается от классической* указанием на *принципиально важную роль внешних – социокультурных – факторов, обуславливающих научное познание признанием социокультурной и исторической изменчивости научного знания, его принципиальной неполноты.*

Методы, как и предмет науки, имеют сложную субъект-объектную структуру. Они объективны, так как обусловлены предметом и контекстом познания. В то же время в каждом конкретном случае они выбираются конкретным субъектом познания (хотя выбор как таковой не является произвольным, но его результат в свою очередь, не может быть заранее предопределен). *Так, сторонник юридического позитивизма и представитель социологии права, скорее всего, используют разные методы исследования права.*

Сложность определения типа общества и социально-культурного контекста существования права, как и любого социального явления, состоит в том, что социальность не имеет непосредственной референции – указания на что-то материальное, фактическое. Любое единичное проявление социальности никогда полностью не объемлет ее, хотя без воплощения в единичном социальное не существует. Человек в постклассической картине мира – это не вынесенная за скобки субстанция, а активное начало всех социальных образований. При этом человек – продукт социализаторской деятельности общества.

Специфика социального состоит также в его знаково-символическом опосредовании как «мир» значений и смыслов, которые приписываются людям, фактам, действиям и вещам. Означивание и осмысление выступает здесь содержанием культуры, которая, в свою очередь, есть содержание социальности.

Таким образом, современное видение социальной реальности утверждает, что любое явление существует в трех измерениях – в виде массового поведения, знаковой формы, ментального образа, включая индивидуальные, групповые, коллективные формы проявления. С этой точки зрения, социальный институт (в частности, право) не есть некая данность, объективная сущность, открываемая в природе вещей, а представляет собой социальный конструкт, обусловленный укоренением предшествующих исторических практик. Любое социальное явление, институт зависят от исторического и социокультурного контекста – их содержание определяется связью с другими социальными явлениями и обществом как целым.

В этой связи в современном науковедении стали утверждаться следующие критерии научности:

– *конвенциональность*, которая вытекает из онтологической и гносеологической конвенциональности: социальные нормы (в частности, нормы права), в отличие от законов природы, суть соглашения и смыслы (хотя и не произвольные), и их познание всегда обусловлено историческим и социокультурным контекстом, а потому является относительным;

– *коммуникативность*, которая постулирует процессуальность и риторические, дискурсивные приемы обоснования научной точки зрения и социальных практик.

В социально-гуманитарном познании конца XX века смена господствовавшего мировоззрения предстала в образах постпозитивизма, постмодернизма, постструктурализма. Причем философские основания науки продолжают изменяться и в настоящее время.

В современном научном и социокультурном дискурсах постмодернизм предстает в нескольких значениях:

– как стиль в искусстве, в первую очередь таких его видах, как литература, архитектура, живопись;

– как наименование современной эпохи (постиндустриального, постинформационного, виртуального общества), выражающее особенности ее культурного и социального пространства (критика исходных оснований культуры эпохи модерна (индустриального общества));

– как методология, ассоциирующаяся с деконструктивизмом.

Для постмодернизма как методологии характерны следующие черты:

– утверждение плюрализма, равноценности всех возможных точек зрения на изучаемые явления. Реальность рассматривается как фрагментарная, а не целостная (целостность и связанность – искусственная теоретическая абстракция);

– отсутствие четкой границы между субъектом и объектом познания.

Наиболее распространенным методом, используемым постмодернизмом, является деконструкция. Данный метод подразумевает процесс «разборки» текста или дискурса на составляющие элементы и обратного синтеза с анализом и обоснованием всех шагов.

Объект исследования – любое целое (общество, язык, право, политика, культура, правовое явление, юридический документ) – подлежит деконструированию в процессе познавательной деятельности. Причем выделяемые из него элементарные фрагменты утрачивают тот смысл и предназначение, которыми они характеризуются в составе целого, и анализируются с целью выявления новых, ранее скрытых возможностей, смыслов, противоречий, утраченных потенциалов.

Применительно к праву постмодернизм использует широкий спектр методологических приемов. Утверждается, что под внешней целостностью права скрывается противоречивый набор фрагментов. Искусственный поиск универсальных начал и общего знаменателя, уравнивающего все противоречия – основанного на гипертрофированном понимании значимости одних потребностей и заглушении других – усиливает несправедливость права. Для преодоления данной проблемы необходимо концентрировать внимание на различиях. Так, согласно постмодернизму «правовой полицентризм является единственно воз-

можным решением в условиях культурного плюрализма и рассматривает основную проблему права как проблему отношения между различными группами, «приверженными особым правилам поведения» [57, с. 127].

Очевидно, что методологические устремления постмодернистской методологии на научном уровне соответствуют практическим целям и направлениям реализации модели мультикультурализма как инструмента современной политической глобализации. Показательно, что на фоне унификации политического, экономического, правового пространства стран Европы усиливается дифференциация общества по этническим, конфессиональным, этнокультурным, субкультурным, индивидуально-психологическим основаниям, в результате чего культурно-цивилизационная идентичность сменяется плюрализмом смыслов и образов жизни, мышления, ценностных ориентаций, типов правосознания и правопонимания.

В данном контексте предназначение юридического познания усматривается в поиске оснований (точек соприкосновения в мультикультуральной среде) для достижения консенсуса, согласия, компромисса, лежащих в основе единого правового пространства, обеспечение которого путем принуждения невозможно и недопустимо.

Постмодернистский подход акцентирует внимание на том, что в современных условиях право уже не может рассматриваться как система универсальных и незыблемых правил, которые могут прилагаться к бесконечному числу частных случаев. Н. Луман, Г. Тернборн, К. Ледер предлагают рассматривать право как сложную самоорганизующуюся систему, находящуюся в состоянии постоянного изменения, в полном соответствии с традицией синергетического понимания социальных систем.

В целом, постклассическая методология – наравне с изменением познавательных средств, направлений, целей – «развенчала догму эмпиризма и позитивизма, то есть требования верификации (подтверждаемости теории опытом). Ни одна теория не является полностью верифицируемой, как и невозможна ее окончательная фальсификация. Активное развитие синергетики привело к тому, что современное науковедение отказалось от краеугольного принципа классической науки – причинности. Все это имеет непосредственное отношение к познанию государства и права» [7, с. 290–291].

Постклассическая методология современной юриспруденции выступает как неоднородный, полипарадигмальный феномен. Несмотря на то, что направления постклассической методологии объединяет общее концептуальное основание, они отличаются акцентами на те или иные стороны изучения права. Наиболее перспективными методологическими подходами в современной постклассической юриспруденции выступают семиотико-лингвистическая, дискурсивная, прагматическая, конструктивистская, антропологическая, диалогическая парадигмы [58, с. 5].

Обозначенные парадигмы **носят** коммуникативно-дискурсивный характер, связанный с лингвистически-герменевтическим поворотом, который произошёл в социально-гуманитарном знании во второй половине XX века, и **основаны** на связи познания и коммуникации, герменевтики, исследовании связи

языка и действия. В современной юридической науке наиболее широко применяются такие направления данных методологических программ, как нарративная семиотика, методология различий анализа юридического текста, объективная герменевтика, дискурс-анализ. Здесь «особое значение в рамках данных подходов приобретают первичные правовые тексты – источники правовой информации, на основе которых конструируются правовые нормы: законы, судебные решения, правовые обычаи. Это дает основание различать, например, закон как семиотическую систему знаков, составляющих правовой текст; правовую норму как означающее, редуцированное к семантико-прагматическому правилу, существующему в социальном сознании и социальной практике» [59, с. 54].

По аналогии, современная философия – это преимущественно философия языка, шире – знака. Несмотря на многоаспектность права, все формы его существования не существуют вне опосредования знаком. В этом проявляется специфика правовой культуры, выступающей содержанием правовой реальности. Право, как и любое социальное явление, существует только тогда, когда оно обрело форму знака, поскольку *любое социальное действие становится таковым только тогда, когда предполагается известным и ожидаемым со стороны окружающих*. Происходит его наделение социальным и культурным значением посредством «помещения» в контекст взаимодействия между людьми. Знак – это необходимый элемент или аспект правовой реальности, *благодаря знакам формируются правовые образы и правовые представления, которые стимулируют правовое поведение человека*, так как данные образы и представления усваиваются людьми в процессе социализации и превращаются в индивидуальные, групповые, коллективные ценности. Более того, право не существует вне языковой реальности человека – язык, текст (норма, закон), речь (в частности, судебная) – основные образы правовой реальности.

Например, познание уголовно-процессуальных явлений отождествляется с пониманием текста, где право – это смысл, рождаемый интерпретацией закона. Вместе с тем оно не исчерпывается текстом закона и его толкованием. В исследовательский контекст надо включать речь, аргументацию, психологию речевой коммуникации, логику, судебную лингвистику. Эти задачи решают уголовно-процессуальная социология, уголовно-процессуальная психология, уголовно-процессуальная этика, уголовно-процессуальная политика.

В свете утверждения постклассических методологических и гносеологических принципов в юридическом познании расширяется система методов конкретных юридических исследований. Помимо количественных методов (анкетирование, наблюдение, стандартизированное интервью) внедряются качественные методы исследования, которые все более адаптируются и модифицируются применительно к анализу юридического материала.

Качественные методы исследования позволяют выявлять, исследовать, концептуализировать локальные, индивидуальные правовые практики, проявляемые как на теоретическом (доктринальном), праксиологическом, так и на бытийном (в повседневной жизни отдельных людей, социальных групп и общностей во всем их многообразии) уровнях.

В систему данных методов входят такие, как кейс-стади (выявление и описание уникального явления, практики, жизненного опыта), этнографический метод (состоит в описании культуры, норм, ценностей, установок социальной общности, обладающей конкретными социокультурными характеристиками), включенное наблюдение, биографический метод, история жизни – изучение личного опыта человека, семьи на различных этапах жизни, в частности в условиях переходных периодов, социальных потрясений; интент-анализ – выявление позиции, установок субъекта в зависимости от особенностей речи и другие методы.

Результаты качественных исследований перспективны в контексте выявления фундаментальных оснований правового менталитета социальных общностей, отдельных личностей, метаморфоз правовой культуры и правосознания, правового поведения, укладов и корпоративных характеристик государственных, правоохранительных служб, их эффективности.

Важнейшей проблемой современной юридической науки является интеграция научного знания, дополняемая интегрированием науки с практикой. Если в советской юридической науке интеграция знаний и методов осуществлялась в рамках диалектико-материалистической концепции и на ее методологической основе, то сегодня в юридической науке признается плюрализм. Правда, ему на смену постепенно приходит интегративный подход. Отмечая его значимость, А.В. Маркин пишет, что «отечественная юридическая мысль, призывающая к *интегративному* пониманию права, сегодня предпочтительнее отрицания каких бы то ни было природных начал в праве и объявлении права исключительным творением определенной группы должностных лиц, именуемых государством» [60, с. 151].

В отечественной юридической литературе проделана большая работа по анализу и систематизации основных интегративных концепций правопонимания, сложившихся к началу XXI столетия. Их авторы стремились реализовать фундаментальный принцип применительно к юридической реальности – принцип «единства в многообразии». Сегодня существуют диаметрально противоположные оценки использования интегративного подхода в юридической науке. Ведущей здесь является интегральная концепция юриспруденции, получившая наиболее полное развитие в работах В.С. Нерсесянца и В.Г. Графского. Поддерживая их, В.В. Лапаева заявляет, что «данный подход к построению интегрального правопонимания представляется методологически единственно возможным ... и теоретически верным» [61, с. 9]. На этой же позиции находится и Д.К. Синяков, считающий, что «уход от тотальности классических образцов и продолжающаяся фрагментация теоретического мышления знаменуют собой не закат интегральной парадигмы, а, наоборот, выявляют новое состояние знания, при котором создаются необходимые предпосылки для взаимопроникновения, взаимообогащения и конструктивного диалога между различными дисциплинами, концепциями и подходами» [62, с. 19]. Смысл интегрального подхода заключается не только в конструировании определенных исследовательских процедур и программ, но и в оформлении новых оснований, принципов и стилей всего современного теоретического мышления. Речь идет об инте-

грации методологических оснований, необходимых для синтеза юридических теорий. Между тем юридическая интеграция требует собственных методологических оснований.

Таким образом, обозначенные методы являются перспективными для развития методологических оснований юридических наук. Большинство из них являются достаточно новыми для системы юридического познания и требуют специальной проработки для адаптации к правовой реальности. Вместе с тем их эвристический потенциал и ценность не вызывают сомнений.

Вопросы для самоконтроля

1. Сформулируйте понятие юридической науки через соотношение понятий «юриспруденция» и «юридическая наука».
2. Какова структура юридической науки? Назовите, какие юридические науки и дисциплины относятся к каждому уровню.
3. В чем заключается проблема предметности юридической науки в контексте изменения типов научной рациональности?
4. Какие методологические характеристики определяют специфику понимания предмета юридической науки в условиях постнеклассической рациональности?
5. Назовите классические основания юридической науки.
6. Назовите постклассические основания юридической науки.
7. Сформулируйте понятия методологии и метода юридической науки.
8. Каковы уровни методологии юридической науки?
9. Какова структура частнонаучного уровня методологии юридической науки?
10. Назовите основные концепции методологии юридической науки.
11. Каковы современные концепции и принципы методологии юридических наук?
12. Каковы особенности постмодернистской методологии юридических наук?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Откуда же пошла философия науки и что она собой представляет?» – остается одним из методологически и философски сложных эпистемологических вопросов. В соответствии с классическим видением понятие «философия науки» используется позитивистами и представителями естественных наук с середины XIX века. Становление и укрепление позиций позитивизма в XIX веке связано с формированием соответствующей картины мира и типом мировоззрения (господствующих представлений о мире и человеке). Целостное восприятие мира, свойственное для античности и Средневековья (античный юснатурализм и средневековый теоцентризм), сменяется атомистической картиной мира западной цивилизации Нового времени, задающей новые гносеологические и эпистемологические модели. Эти тенденции детерминируют формирование индивидуалистического типа правопонимания, научной основой которого становится программа *позитивизма*.

В качестве общей философии и философии науки позитивизм возникает в 40-е годы XIX века. Это научное течение поставило своей целью создать подлинную научную философию, освободив ее от статуса «науки наук» и придав ей функцию анализа языка науки, пояснения смысла научных понятий и терминов (наука должна изъясняться простым, понятным, недвусмысленным языком). Требования к точности языка диктовались стремлением науки к отысканию истины и установлению ее оценочного критерия. Фактически позитивисты выступали с программой отделения достоверного точного научного знания от всех других ненаучных (спекулятивных) видов знания. В связи с этим сторонники данного направления, начиная с О. Конта, проводили резкое противопоставление науки и ненаучных (с их точки зрения) форм познания мира, в основе отличия которых – метод научного познания.

Таким образом, позитивизм, имеющий принципиальное значение в институционализации философии науки, философии и теории права, исходил из наиболее радикальной версии сциентизма. Основным требованием позитивистского метода науки является непременно подтверждение научных суждений и умозаключений эмпирическими данными (фактами); так как последние выражают внешние признаки изучаемого объекта, то исследовать что-либо (например, право) необходимо именно по его внешним проявлениям.

Данная научно-исследовательская программа способствовала быстрому самостоятельному росту наук, в частности, социальных, которые строились по образу и подобию естественных наук, в первую очередь физики (например, социология). Однако в XX веке позитивизм столкнулся с рядом проблем, поставивших под сомнение его эвристический потенциал (в первую очередь, недостаточность эмпирического подтверждения как единственно возможного критерия научности и истины). В результате сформировалась *неопозитивистская, а затем постпозитивистская научно-исследовательская программа* с соответствующей методологией.

Философия науки как позитивистское направление существует с середины XIX в. Начало этому направлению положено трудами О. Конта, Дж.С. Мил-

ля, Г. Спенсера. Дальнейшее развитие философия науки получила в аналитической философии, просуществовавшей с 20-х годов XX века вплоть до середины 60-х годов. С 60-х годов это направление разрабатывалось представителями постпозитивизма (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун и др.). В отечественной философской и логико-методологической литературе это направление в философии науки отождествлялось с позитивизмом. В частности, большинство отечественных философов и методологов в развитии философии науки выделяли те же самые этапы, что и позитивисты. Между тем параллельно с позитивизмом с середины XIX по настоящее время разрабатывались неокантианская, диалектико-материалистическая, феноменологическая, герменевтическая и другие концепции философии науки.

В действительности у позитивистов речь идет о логике науки, а не философии науки. Кризис позитивизма показал, что философия науки не идентична какому-то одному направлению, одной школе или программе философского анализа науки.

При определении времени появления философии науки как направления или научной дисциплины важно учитывать, по крайней мере, следующие моменты: во-первых, степень зрелости ее основных компонентов (философии и науки); во-вторых, необходимо учитывать исторические формы их взаимоотношений и, в-третьих, состояние самой европейской культуры, способной породить такую кентавровую междисциплинарную область знания, как философия науки. Значительную концептуальную базу для возникновения философии науки заложили исследования в области философии естествознания.

С возникновением аналитической философии она долгое время отождествлялась с философией науки. В неопозитивистской философии был сделан акцент на формально-логическом исследовании языковых систем. Кризис позитивизма показал, что философия науки не идентична какому-то одному направлению, одной школе или программе философского анализа науки. И по сей день существуют альтернативные философские направления и конкурирующие школы, рассматривающие науку с разных мировоззренческих и методологических позиций.

С 60-х годов XX века проблематика философии науки интенсивно разрабатывается представителями других философских школ и направлений, такими, как феноменология, структурализм и постмодернизм, предлагавшими свои собственные программы рационалистического анализа научного знания. В новом социокультурном контексте появились работы, специально посвященные методологии и социологии науки, ее истории, роли научного знания в обществе. Таким образом, можно выделить две важные точки в становлении неклассической науки и ее философского осмысления: *во-первых*, начальная точка, связанная с выделением науки в качестве предельного предмета философского осмысления во 2-ой половине XIX века и, *во-вторых*, связанная с рассмотрением феномена науки как безусловно всеобщего, не выводимого ни из какого исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. – Москва: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Декарт Р. Рассуждения о методе / пер. Г.Г. Слюсарев, С.Я. Шейнман-Топштейн; под ред. Н. Никитенко. – Москва: АСТ, 2020. – 416 с.
3. Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – 3-е изд. – Москва: Академические проект, 2014.
4. Кезин А.В. Идеалы научности и паранаука / Научные и вненаучные формы мышления. Симпозиум (Москва, 4-9 апреля 1995 г.). – Москва: Киль, 1996.
5. Философия науки: учебное пособие для аспирантов и соискателей / отв. ред. Т.П. Матяш. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.
6. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. – Москва: URSS, 2011. – 238 с.
7. История и методология юридической науки: учебник для вузов / И.Ю. Алексеева, Ю.А. Денисов, Т.И. Еремина, М.К. Ивина, А.Б. Сапельников, А.Э. Черноков, И.Л. Честнов; под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, 2014.
8. Степин В.С. История и философия науки: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – 3-е изд. – Москва: Академический проект, 2003.
9. Яркова Е.Н. История и методология юридической науки: учебное пособие. – Тюмень: Тюменский гос. ун-т, 2012. – 463 с.
10. Кун Т. Структура научных революций / пер с англ. И.З. Налетов. – Москва: АСТ, 2003. – 605 с.
11. Г.Х. фон Вригт. Логико-философские исследования. Избранные труды. – Москва: Прогресс, 1986.
12. Койре А. Галилей и Платон Очерки истории философской мысли. – Москва: Прогресс, 1985.
13. Хайдеггер М. Время и бытие. – Москва: Республика, 1993.
14. Философия науки в гуманитарном пространстве: учебное пособие для аспирантов гуманитарного направления / под общ. ред. Е.И. Пивовара. – Москва: РГСУ, 2015.
15. Помпеев Ю.А. Очерки по истории европейской научной мысли. – Санкт-Петербург: Абрис, 2003.
16. Спивак В.И. Теория индукции Уильяма Уивелла / Я (А. Слинин) и МЫ: к 70-летию профессора Ярослава Слинина. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.
17. Хьюэлл У. Философия индуктивных наук, основанная на их истории / пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.В. Востриковой; под ред. И.Т. Касавина. – Москва: КНОРУС, 2016.
18. Антонов Е.А. Философия социальных и гуманитарных наук: учебное пособие. – Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2015.

19. Лекторский В.А. Научное и вненаучное мышление: скользящая граница / Разум и экзистенция: анализ научных и вненаучных форм мышления. – Санкт-Петербург: РХГИ, 1999.
20. Холтон Дж. Что такое «антинаука» // Вопросы философии. 1992. № 2. С. 26–58.
21. Ясперс К. Истоки истории и ее цель / Смысл и назначение истории. – Москва: Республика, 1999.
22. Малкей М. Наука и социология знания. – Москва, 1983.
23. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания): учебное пособие для аспирантов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.
24. Федотова В.Г. Методология истории сегодня // Новая и новейшая история. 1996. № 6.
25. Яковенко Б.В. Вильгельм Виндельбанд / Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. – Москва: Юность, 1995.
26. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Культурология. XX век. Антология / гл. ред. и сост. Л.Я. Левит. – Москва: Юрист, 1995.
27. Бахтин М.М. Собрание сочинений в 7 томах. – Т. 1. – Москва: Русские словари, 1997. – 732 с.
28. Сычев А.А. М.М. Бахтин об особенностях методологии гуманитарных наук // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. № 6(63). С. 85–90.
29. Лакатос И. История науки и ее рациональная реконструкция / Структура и развитие науки: Из бостонских исследований по философии науки. – Москва: Прогресс, 1978.
30. Гайденок П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – Москва, 1980.
31. Степин В.С. Генезис социально-гуманитарных наук (философский и методологический аспекты) // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 37–43.
32. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. – Москва, 1994.
33. Гадамер Г.-Х. Истина и метод. Основы философской герменевтики. – Москва: Прогресс, 1988.
34. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия. – Минск, Москва, 2000.
35. Лиотар Ж.-Ф. состояние постмодерна / пер. с франц. Н.А. Шматко. – Москва: Институт экспериментальной социологии – Санкт-Петербург: Алтея, 1998.
36. Философия науки: практикум / ред.-сост. А.А. Шестаков. – 2-е изд. – Москва: Академический проект, 2017.
37. Лекторский В.А. Возможна ли интеграция естественных наук и наук о человеке? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 11–15.
38. Раянов М. От правоведения к юриспруденции // Государство и право. 2003. № 9. С. 5–9.

39. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Этимология государства и права: учебное пособие. – Санкт-Петербург: ИВЭСЭП, Знание, 2004.
40. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. – Ленинград, 1973.
41. Нерсесянц В.С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. – Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
42. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 1: Элементный состав. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2001.
43. Киссель М.А. Философский синтез А.Н. Уайтхеда / Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. – Москва, 1990.
44. Керимов Д.А. Общая теория государства и права: предмет, структура, функции. – М., 1977. – С. 12.
45. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – Москва: Эдиториал УРСС, 1997.
46. Козлов В.А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. – Ленинград: ЛГУ, 1989.
47. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2001.
48. Явич Л.С. Сущность права: Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений. – Ленинград: ЛГУ, 1985.
49. Чеснов И.Л. История и методология юридической науки: учебник. – Москва: Инфра-М, 2018.
50. Антонов Е.А. Философско-методологические проблемы юридических наук: учебное пособие. – Белгород: Бел ЮИ МВД России, 2014.
51. Пермяков Ю.Е. Стандарты научности в современной юридической теории / Стандарты научности и homojuridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философ.-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца / отв. ред. В.Г. Графский. – Москва: Норма, 2011.
52. Постнеклассика: философия, наука, культура: монография / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. – Санкт-Петербург: Мирь, 2009.
53. Тимошина Е.В. Стандарты научности в теории права: классическая и неклассическая парадигмы в социогуманитарном знании / Стандарты научности и homojuridicus в свете философии права: материалы пятых и шестых философско-правовых чтений памяти акад. В.С. Нерсесянца; отв. ред. В.Г. Графский. – Москва: Норма, 2011.
54. Рузавин Г.И. Методология научного познания: учебное пособие для вузов. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2009.
55. Сырых В.М. История и методология юридической науки: учебник. – Москва: Норма, 2013.
56. Теория государства и права: учебник / М.Б. Смоленский. – 2-е изд. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2012.
57. Чукин С.Г., Сальников В.П., Балахонский В.В. Философия права: учебник. – Москва: ИМЦ ГУК МВД России, 2002.

58. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. – Нижний Новгород, 2003.

59. Поляков А.В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. – Санкт-Петербург, 2002.

60. Маркин А.В. Симбиоз позитивизма и натурализма права: ложная дилемма? // Вектор науки ТГУ. 2011. № 4 (18).

61. Лапаева В.В. Интегральное правопонимание в российской теории права: история и современность // Законодательство и экономика. 2008. № 5.

62. Синяков Д.К. Интегральный подход к пониманию права: идеи и предложения // Мир юридической науки. 2011. № 7.

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Антонов Евгений Алексеевич,
доктор философских наук, профессор;
Таранова Александра Евгеньевна,
кандидат социологических наук, доцент

**Становление философии науки и ее направлений
(от синкретических предпосылок к философии и науке)**

Учебное пособие

Редактор
Комп. верстка

О.Н. Тулина
И.Ю. Чернышева

Подписано в печать 2022. Формат 60x90/16
Усл. печ. 8 л. Тираж 44 экз. Заказ 43

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати
Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина
г. Белгород, ул. Горького, 71

ISBN 978-5-91776-451-1

